MANON

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Mateo Berettinini

MANON

«Автор»
2026

Berettinini M.

MANON / M. Berettinini — «Автор», 2026

Днем она — Селин Моро, измотанная мать из Нормандии, выбивающаяся из сил ради двоих сыновей. Но ночью за бронированной дверью марсельского спа-клуба «LÉcume» она превращается в «Манон» — ледяного администратора подпольного притона, знающего сокровенные пороки городской буржуазии.Ее единственный луч света — молодой адвокат Этьен Лоран, готовый рискнуть карьерой и репутацией, чтобы вытащить ее со дна. Но пока они строят планы побега и мечтают о тихой жизни, кольцо сжимается с двух сторон: бывший муж шантажирует детьми, а Бригада по борьбе с сутенерством и въедливый комиссар Морель уже навели направленные микрофоны на их убежище. Каждое слово любви теперь становится уликой в протоколе уголовного дела.

© Berettinini M., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кофе со вкусом хлора 5
Глава 2. Причал для двоих 11
Глава 3. Гроссбух мадам Колетт 16
Глава 4. Ночнаяосада и приступ 21
Глава 5. Невидимый свидетель 27
Глава 6. По ту сторону зеркал 32
Глава 7. Дорога на Руан: Призраки прошлого 36
Глава 8. Свет на бульваре Лоншан 42
Глава 9. Ловушка мадам Колетт 45
Глава 10. Глаз закона 50
Глава 11. Чемодан под кушеткой 55
Глава 12. Ночной штурм 59
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Mateo Berettinini
MANON

Глава 1. Кофе со вкусом хлора

Штормовой ноябрьский мистраль обрушился на Марсель со стороны Лионского залива сдикой, яростной мощью. Ледяной дождь вперемешку с морской солью сек базальтовые мостовые старого квартала Панье, превращая узкие крутые переулки в бурлящие желоба мутной, черной воды. Редкие кованые фонари надрывно раскачивались под порывами ветра, с протяжным металлическим стоном отбрасывая на осклизлые фасады вековых купеческих домов длинные, дрожащие тени. Со стороны Старого порта доносился тяжелый, надсадный гул туманных горнов, но город за каменными глухими стенами казался вымершим.

На улице Сен-Пьер стихия натыкалась на слепой гранит массивного старинного особняка. Здесь не было ярких неоновых вывесок, рекламных щитов или приглашающих огней. Фасад напоминал глухой склеп, и лишь одна едва приметная деталь выдавала скрытую изнанку его существования: маленькая медная заклепка, утопленная в массивное полотно тяжелой дубовой двери, да неприметный круглый зрачок оптического глазка, бесстрастно обозревавший пустой, залитый дождем переулок.

За этой дверью, на глубине трех метров под гранитным фундаментом здания, Марсель исчезал.

В полуподвальном лабиринте спа-клуба «LÉcume» — «Морская пена» — царил свой собственный, герметичный микроклимат, наглухо отрезанный от внешнего мира вековой каменной кладкой. Здесь не было окон, и время теряло ориентиры, растворяясь в тусклом люминесцентном свете. В узком служебном коридоре висел удушливый, плотный воздух: едкая взвесь горячего эвкалиптового масла из парных, въедливый запах хлорной извести из циркуляционных фильтров бассейна, застоявшийся табачный дым крепких сигарет и приторный, удушающий шлейф восточных духов, оставленный девушками на кожаных диванах холла.

Внешние звуки порта сюда не долетали. Пронзительный свист ветра над крышами гас в монотонном, утробном гуле чугунной водосточной трубы. Она уходила вертикально сквозь потолок прямо в скальное основание дома и непрерывно мелко вибрировала от стекавших с

улицы потоков дождевой воды. К этому низкому басу примешивался лишь непрерывный плеск в чаше бассейна да жужжание компрессора приточной вентиляции.

Настенные часы с выцветшим пластиковым ободом над приемной стойкой показывали 01:40 ночи.

За массивным столом из темного матового стекла сидела тридцативосьмилетняя Селин Моро. Посетители, девицы из смены и ночная охрана знали ее исключительно под вымышленным именем «Манон».

Физически Селин находилась на грани предельного изнеможения. За плечами тянулись почти сорок восемь часов без нормального, непрерывного сна. В ее глубоких серых глазах застыла сухая, тупая усталость, а под нижними веками залегли отчетливые синеватые тени бессонницы. Густые темно-каштановые волосы были туго затянуты на затылке в строгий, безупречный узел, не позволявший выбиться ни единой пряди.

Правая рука мерно, пульсирующе ныла: указательный палец был плотно забинтован поверх сорванного накануне ногтя — результат попытки силой сорвать заклинивший бронзовый засов на складе со сменным бельем. Любое неловкое движение отзывалось колючей вспышкой боли до самого локтя. Чуть выше, на белом запястье той же руки, багровел сухой, затягивающийся след от термического ожога паром от котла котельной. Но куда тяжелее телесных ссадин была стальная обручная мигрень, давившая на затылок с каждым ударом секундной стрелки.

Внутренне Селин оставалась измученной, одинокой матерью из провинциальной Нормандии. Женщиной из предместья Руана, дочерью строгого железнодорожного мастера, которая выжимала из своего тела последние жизненные соки ради двоих сыновей, оставшихся на севере. Ради четырнадцатилетнего Жюльена с его тихими чертежами и маленького Пьера, которому требовалось дорогое лечение.

Но внешняя роль — роль Манон — требовала совсем иного. Каждую ночь, спускаясь по гранитным ступеням подвала, она надевала на лицо непроницаемую, холодную маску. Маску расчетливого, циничного цербера, железной рукой контролирующего изнанку марсельского ночного притона.

Селин склонилась над столом. Перед ней лежал массивный бухгалтерский гроссбух в потертом сафьяновом переплете. Желтоватые страницы пахли типографской краской, сыростью и пылью. Держа черную гелевую ручку онемевшими пальцами, стараясь не тревожить сорванный ноготь, она аккуратными столбцами заносила в реестр ночную выручку: номера боксов, время заезда, марки напитков, суммы. Этот фолиант был гроссбухом чужих грехов — здесь фиксировались часы слабости почтенных марсельских буржуа, адвокатов, чиновников префектуры и судей, плативших наличными за право на несколько часов забыть о своем благочестии.

Каждая строчка подчинялась строгому прейскуранту: базовый тариф составлял 250 евро за час. Из них ровно 100 евро шли в кассу клуба за аренду приватного бокса, а 150 евро отдавались на руки девушке. Дополнительная бутылка шампанского из служебного бара — еще 150 евро, строго наличными.

Тихий, нерешительный стук в дверь администраторской заставил Селин замереть.

— Манон... можно?

В узкий проем протиснулась Хлоя. Девушке было всего двадцать два года; она приехала в Марсель из глухих предместий Нанта в надежде скопить денег на учебу, но за шесть месяцев в подвале превратилась в прозрачную тень. Хлоя зябко куталась в казенный белый махровый халат с серым вензелем клуба, который был ей велик на два размера. Ее тонкие ключицы дрожали, подводка под воспаленными глазами поплыла черными ручейками, а побелевшие пальцы нервно перебирали махровый пояс.

— Что произошло, Хлоя? — сухо спросила Селин, не поднимая глаз от столбца цифр.

— Во втором боксе... — Хлоя запнулась, судорожно сглатывая подступающие слезы. — Гости из Тулона. Они выпили весь джин и ведут себя чересчур агрессивно. Требуют еще шампанского, шумят, бьют посуду. Тот, что постарше, со шрамом через скулу... он схватил Инес за волосы прямо в душевой, швырнул на кафель. Инес заперлась изнутри и плачет навзрыд. Она отказывается к ним возвращаться, говорит, что этот подонок ее покалечит.

Селин медленно положила ручку на стекло. Ее серые глаза поднялись на девушку. Взгляд был абсолютно сухим, неподвижным и холодным — взглядом человека, чьи нервы давно превратились в обожженную проволоку. Ни тени сочувствия или страха не проступило на бледном лице администратора.

— Послушай меня очень внимательно, Хлоя, — проговорила Селин ровным, чеканящим тоном, в котором звенел металл. — Во-первых, алкоголь. Дополнительная бутылка шампанского стоит сто пятьдесят евро. Плата строго наличными и строго на стол, до того, как ты сорвешь фольгу с горлышка. Никаких записей в долг или на счет номеров.

Она выдержала тяжелую трехсекундную паузу, дав смыслу слов осесть в сыром воздухе комнаты.

— Во-вторых, безопасность. Сейчас ты возвращаешься во второй бокс и слово в слово передаешь тулонцам мои распоряжения. Если они не утихомирятся в течение трех минут, я нажимаю тревожную кнопку под стойкой. Ночная охрана с портовой парковки вышвырнет их на улицу Сен-Пьер в одних носках, без верхнего платья и без возврата денег. Они прекрасно знают, кто держит эту парковку и чьи это люди, так что проверять серьезность моих слов не станут.

Селин неторопливо перевернула страницу гроссбуха.

— И в-третьих. Перераспределение. Снимешь Инес со второго бокса. Пусть умоется холодной водой, замажет синяки и спускается в третий номер. Туда только что приехал постоянный гость — месье Дюран. Его тариф — двести пятьдесят евро в час. Он пьет негазированную воду и любит тишину. Инес будет работать с ним. Пошла.

Хлоя судорожно выдохнула, прерывисто кивнула и поспешно выскользнула за дверь, плотно притянув за собой полотно.

Едва ее торопливые шаги затихли в коридоре, как на стеклянной столешнице резко забился личный смартфон Селин. Экран вспыхнул прямоугольником входящего вызова: «Номер скрыт».

Селин замерла на долю секунды, чувствуя, как дергает травмированный палец. В такое время анонимные звонки не предвещали ничего хорошего: это мог быть запоздалый визитер, информатор из префектуры или ночной рейд жандармерии. Она провела подушечкой пальца по экрану, поднесла аппарат к уху и произнесла ровным, поставленным голосом профессионального администратора:

— Спа-клуб «LÉcume», слушаю вас.

— Манон?! Ради всего святого, Манон, это вы?! — из динамика вырвался панический, захлебывающийся мужской шепот. Собеседник говорил сдавленно, быстро, срываясь на хрип, а на заднем плане отчетливо слышался скрип автомобильных дворников и шум работающего мотора.

Селин мгновенно узнала этот голос. Оливье Дюбуа. Ведущий финансовый аудитор крупной страховой корпорации в Экс-ан-Провансе. Человек с безупречной репутацией, норковыми манто для супруги, тремя дочерьми в частном католическом коллеже и тайной слабостью к ночным визитам на улицу Сен-Пьер по четвергам.

— Я слушаю вас, месье Дюбуа. Говорите спокойнее.

— Какое спокойствие, Манон, я погиб! — голос аудитора сорвался на визгливый фальцет. — Клер... моя жена Клер! Она проверила историю операций по банковской карте! Каким-то дьявольским образом она увидела ночное списание на четыреста пятьдесят евро! А потом...

о боже, она залезла в мой телефон и нашла контакт Инес! Дома ад, Манон! Она бьет посуду, собирает чемоданы, грозит разводом, разделом имущества, судом! Моя карьера, мой статус в совете директоров — все летит в пропасть!

Селин откинулась на спинку рабочего кресла. Внутри нее шевельнулась привычная, горькая, ледяная волна презрения. Эта категория благочестивых буржуа была ей слишком хорошо знакома: на кожаных диванах клуба они изображали из себя властелинов мира, но стоило законной жене повысить голос, как они превращались в ничтожеств, готовых ползать на коленях.

— Вы совершили непростительную глупость, месье Дюбуа, — холодно произнесла она. — Я лично предупреждала вас при каждом визите: расчеты в заведении ведутся так, чтобы не оставлять следов в ваших семейных банковских выписках. Зачем вы приложили карту к терминалу бара?

— Я был пьян, я не соображал! — рыдал аудитор в трубку, не стесняясь собственного унижения. — Манон, умоляю, вы должны меня спасти! Если Клер перезвонит по этому номеру или ее адвокаты потребуют объяснений... Вы выслушаете меня?!

— Я слушаю вас очень внимательно.

— Скажите ей... скажите, что «LÉcume» — это семейный термальный клуб! Да! Оздоровительный центр на бульваре Гарибальди! Скажите, что я арендовал приватную паровую зону для закрытых деловых переговоров с партнерами из Марселя, а четыреста пятьдесят евро — это списанный залог за случайно разбитый декоративный столик! Пожалуйста, Манон! Я переведу вам лично... я заплачу любые деньги, сколько назовете, только спасите мой брак!

Селин помолчала несколько секунд, вслушиваясь в тяжелое, прерывистое дыхание аудитора на другом конце провода.

— Слушайте меня внимательно, месье Дюбуа, — ее голос прозвучал с хирургической жесткостью скальпеля. — Если ваша супруга или ее поверенные свяжутся со мной, я подтвержу легенду про термальный клуб на Гарибальди и разбитый столик. Я сделаю это. Но ваши дополнительные деньги мне не нужны. Оставьте их себе — они вам понадобятся для бракоразводного процесса.

— Манон... спасибо, вы...

— Не перебивайте меня, — отрезала Селин. — Я делаю это не ради вас, а ради тишины и покоя моего заведения. И запомните: это был первый и последний раз. Если вы еще хоть единожды наберете мой номер со своими семейными драмами, я лично перешлю мадам Клер детализированную выписку с полным перечнем услуг, за которые вы платили Инес. Больше никогда сюда не звоните.

Она резким движением нажала кнопку отбоя и бросила телефон на матовое стекло.

В комнате повисла тяжелая, гулкая тишина. Селин сделала глубокий вдох, пытаясь унять стук в висках. Но не успел экран погаснуть, как телефон ожил снова. На этот раз аппарат взорвался не приглушенной вибрацией, а пронзительным, резким звонком вызова.

На дисплее горело имя: "БЕРНАР".

Кровь мгновенно отхлынула от лица Селин, оставив смертельную бледность. Пальцы рук на мгновение одеревенели.

Бернар Лефевр. Ее бывший муж. Сорокадвухлетний разорившийся владелец авторемонтной мастерской из предместий Руана, превративший ее прошлое в груду пепла, а настоящее — в непрекращающийся кошмар финансового шантажа.

Селин помедлила секунду, провела ладонью по лицу, стирая оцепенение, и медленно подняла трубку.

— Да, Бернар.

— Ты почему не отвечала сию секунду, дрянь?! — хриплый, тяжелый, пропитанный парами дешевого анисового пастиса голос ворвался в динамик с такой силой, что Селин

инстинктивно отстранила трубку от уха. — С кем ты там шляешься по ночам?! С кем вылизываешь углы?!

— Я на работе, Бернар. В отеле ночная смена, — тихо, стараясь скрыть предательскую дрожь в связках, ответила Селин и прикрыла микрофон салфеткой, чтобы он не услышал гула вентиляции. — Который час? Что с мальчиками?

— Что с мальчиками?! — Бернар грязно, издевательски захохотал. — С твоими выродками все в порядке, спят вповалку! А вот со мной не в порядке! Судебные приставы только что наложили арест на мой коммерческий прицеп! На мою единственную кормилицу! Из-за чертовых долгов мастерской! Мне нужны деньги, Селин! Мне нужны четыре тысячи пятьсот евро! До полудня завтрашнего дня!

Селин зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли красные круги. Боль в травмированном пальце показалась ничтожной по сравнению с той ледяной глыбой, которая рухнула ей на грудь.

— У меня нет таких денег, Бернар, — прошептала она, сжимая край стола до белизны в суставах. — Ты забираешь всё, что я зарабатываю. Я перевела тебе тысячу евро две недели назад. Мне нужно оплачивать жилье в Марселе, нужно покупать лекарства...

— Не смей крутить мне мозги, шлюха! — взревел Бернар так, что мембрана телефона надрывно захрипела. — Я знаю, где ты работаешь и чем занимаешься в своем чертовом Марселе! Думаешь, ты самая умная?! Если завтра до двенадцати часов дня четыре тысячи пятьсот евро не будут лежать на моем банковском счете — я иду прямо в органы опеки Нормандии! Я заявлю в ювенальный суд! Я докажу судье, что их мать — содержательница марсельского подпольного притона, и накатаю заявление в криминальную полицию! Ты сгниешь на нарах, Селин, а твоих Жюльена и Пьера отдадут в государственный приют для сирот! Ты меня услышала?! Завтра. До. Полудня!

В трубке раздались частые, равнодушные гудки. Связь оборвалась.

Селин медленно опустила руку. Телефон выскользнул из ее онемевших пальцев и глухо стукнулся о стекло.

Она осталась совершенно одна в полумраке администраторской. Накопившийся за двое суток адский коктейль из физического истощения, пульсирующей боли, унижения и первобытного животного страха за детей сорвал плотину ее многолетнего самоконтроля.

Селин согнулась пополам. Упершись лбом в шершавую сафьяновую кожу бухгалтерского гроссбуха, она зарыдала — тяжело, страшно, беззвучно, содрогаясь всем телом. Горячие, крупные слезы капали на клетчатые страницы, мгновенно размывая свежие черные цифры ночной выручки. Она судорожно закусила край пластыря на больном пальце, сдерживая рвущиеся из горла стоны, чтобы их ни в коем случае не услышали девицы в коридоре.

Ловушка казалась абсолютной. Никаких легальных путей достать четыре с половиной тысячи евро до полудня следующего дня не существовало в природе. Бернар исполнил бы свою угрозу: он был слишком озлоблен, глуп и пьян, чтобы думать о последствиях. Он уничтожил бы ее, растоптал бы мальчиков, лишил бы ее самого главного смысла дышать.

Прошло около десяти минут. В подвале было слышно лишь тяжелое, рваное дыхание Селин.

Она заставила себя поднять голову. Дрожащей ладонью вытерла мокрые щеки, размазывая потекшую тушь. Дыхание медленно выравнивалось, уступая место тупому, ледяному оцепенению загнанного зверя.

В этот момент экран смартфона на столе снова тихо засветился. Без звонка, без назойливой вибрации — мягким, ровным бирюзовым светом.

В мессенджере всплыло входящее текстовое сообщение от контакта "Мэтр Этьен Лоран":

- «Только что завершил слушания в Апелляционном суде Экс-ан-Прованса. Мы разгромили позицию прокуратуры, гонорар в 2 800 евро получен наличными. По дороге к тебе заехал

в ночную пекарню у Старого порта: взял литр горячего шоколада с корицей и коробку свежих миндальных калиссонов. Мой темно-синий «Пежо 406» припаркован на Сен-Пьер, в тени автобазы. Спустишься на десять минут, любовь моя?».

Селин перечитала сообщение один раз. Затем второй. И третий.

Эти простые, спокойные слова от тридцатиоднолетнего марсельского адвоката пахли совсем иным миром — миром, где существовали победы закона, тепло пекарни, запах корицы и человеческая нежность.

Она медленно поднялась с кресла. Подошла к небольшому настенному зеркалу у двери. Вгляделась в свое бледное, осунувшееся лицо. Торопливыми движениями пальцев оправила растрепавшиеся каштановые волосы, стерла салфеткой черные следы слез под глазами, расправила ворот черной рабочей блузы.

Сняв с вешалки светлое бежевое пальто, Селин накинула его прямо поверх блузы, повернула бронзовый ключ служебного выхода и, не издав ни звука, вышла во внутренний двор особняка навстречу завывающему марсельскому мистралю.

Глава 2. Причал для двоих

Тяжелая служебная дверь подвального выхода спа-клуба «LÉcume» захлопнулась с глухим, чугунным щелчком, отрезавшим подземный мир.

Удушливая духота цокольного этажа — густая, застоявшаяся взвесь из эвкалиптового пара саун, въедливой хлорной извести из очистных фильтров бассейна, пережженного табака и дешевого спиртового антисептика — осталась по ту сторону массивного дубового полотна. Селин замерла на пороге узкого служебного приямка, судорожно втягивая ноздрями ночной воздух.

Свобода обожгла легкие. Штормовой ноябрьский мистраль ударил в лицо с яростью сырого соленого хлыста, срывая с платанов последние почерневшие листья и швыряя в глаза колючую дождевую пыль. Ветер летел с открытого Лионского залива, вздымая над портом пенные валы, разнося по узким каменным коридорам старого Марселя тяжелый запах мокрых водорослей, дизельного топлива и векового базальта.

Физическая боль, притупленная за часы ночной суеты за стойкой, вернулась мгновенно, стоило напряжению смены хоть немного отпустить нервы. Тонкое бежевое пальто, наброшенное второпях прямо на черную шелковую блузу, не спасало от ледяного сквозняка. Правая рука вибрировала пульсирующим огнем: указательный палец, с которого накануне при попытке сорвать заклинивший засов бельевой подсобки содрало ноготь, дергал в такт бешеному колоколу в висках. На сгибе левого запястья от холода нестерпимо заныл рубец от ожога кипятком котельной.

Но сильнее любых телесных увечий внутри выжигало память о криках Бернара. Его пьяный, налитый свинцовой злобой голос до сих пор звенел в ушах, заглушая свист шторма: *«Четыре тысячи пятьсот евро!.. До полудня!.. Иначе опека заберет мальчишек в интернат!..»*Под ложечкой сводило от тошнотворного спазма бессилия.

Селин подняла воротник, сгорбилась, пряча лицо от ледяных струй, и быстро зашагала вдоль глухого каменного фасада. Базальтовые плиты тротуара на улице Сен-Пьер блестели под редкими фонарями, как маслянистые черные зеркала. Где-то в глубине неосвещенной территории старой портовой автобазы монотонно и жалобно хлопал на ветру оторванный лист кровельного железа.

Там, в глубокой тени высокого каменного забора, куда не доставал блеклый желтоватый свет уличных фонарей, замер темно-синий «Пежо 406».

Автомобиль стоял с потушенными габаритами, но по легкому дрожанию капота и едва заметным струйкам белесого пара из выхлопной трубы было видно, что двигатель мягко урчит на холостом ходу. По залитому дождем лобовому стеклу непрерывно скользили веера стеклоочистителей, смахивая тяжелые потоки воды.

Стоило Селин ступить на мокрый гравий обочины, как внутри салона мягко вспыхнул рассеянный янтарный свет плафона.

Селин потянула на себя массивную ручку пассажирской двери, скользнула на переднее сиденье и с усилием захлопнула ее за собой.

Внешний мир исчез в ту же секунду. Рев мистраля, стук ледяных капель по булыжникам, пронзительная сырость и ядовитый подвальный чад клуба отсеклись плотным контуром автомобильной шумоизоляции. Салон встретил ее сухим, глубоким, обволакивающим теплом. Из дефлекторов обдува мягко струился нагретый воздух, разнося сложный, невероятно уютный букет ароматов: запах выделанной кожи сидений, едва уловимый след дорогой туалетной воды с древесными нотами кедра, пряная корица и сладкая, густая выпечка из ночной пекарни у набережной.

На приборной панели стояли два картонных стаканчика с пластиковыми крышками и лежал плотный крафтовый пакет с трафаретным вензелем кондитерской Старого порта.

За рулем сидел Этьен Лоран.

Тридцатиоднолетний адвокат Марсельской коллегии, потомок чопорной профессорской династии из Экс-ан-Прованса, выглядел уставшим после долгого судебного дня, но в его позе не было и следа того надлома, который сковывал Селин. Его темно-синий шерстяной пиджак был расстегнут, ворот тонкой белой сорочки смят, галстук ослаблен. Густые темные волосы слегка растрепались, а на щеках проступила аккуратная вечерняя щетина. Карие, живые глаза под прямыми бровями смотрели на нее с такой неприкрытой, болезненной нежностью, что у Селин перехватило дыхание.

В этом взгляде не было оценивающего цинизма клиентов «LÉcume», не было похоти тулонских гостей или презрения мадам Колетт.

Этьен не стал задавать вопросов. Он молча повернулся к ней, протянул руки, бережно обхватил ее озябшую, дрожащую правую кисть своими сухими, горячими ладонями и медленно поднес к лицу.

Ее пальцы были мертвенно-ледяными, пахнущими типографской гарью бухгалтерского гроссбуха и дезинфектантом. Его руки дышали жизнью и уверенностью. Этьен осторожно коснулся губами пластыря на указательном пальце, чуть задевая колючей щетиной наливающийся багрянцем сустав, словно пытаясь этим невесомым поцелуем вытянуть наружу всю пульсирующую боль.

Селин зажмурилась. По коже пробежала крупная, судорожная дрожь.

Контраст между двумя ее жизнями в этот миг ощущался с убийственной ясностью. В каменном склепе спа-клуба она была Манон — функцией, бесчувственным цербером, ведущим учет проданных часов чужого порока, женщиной, которую можно было толкнуть, унизить или заставить спасать чужой фасад. Здесь, в тихом полумраке старого «Пежо», прикосновение мужских губ к ее забинтованному пальцу возвращало ее к жизни. Смывало налипшую грязь, возвращало имя. Она снова становилась Селин Моро.

— Ты совсем закоченела, — негромко произнес Этьен, не выпуская ее руки.

Его глубокий, бархатный баритон действовал на ее воспаленные нервы как целебный бальзам. Свободной рукой он снял крышку с одного из стаканчиков и осторожно вложил его в ее пальцы: — Пей, родная. Это горячий шоколад. Я попросил бариста добавить двойную порцию цейлонской корицы, как ты любишь.

Селин поднесла стаканчик к губам. Обжигающий, густой напиток наполнил рот тягучей сладостью, пряная острота корицы мгновенно перебила стойкий привкус хлора и горечи на языке. Тепло опустилось в грудь, но пальцы ее все равно предательски ходили ходуном.

— Этьен... — прошептала она, и голос ее надломился, сорвавшись на сухой всхлип. — Бернар звонил опять.

Лоран замер. Его карие глаза потемнели, в уголках губ залегла жесткая складка. — Что он хотел?

— Приставы арестовали его автоприцеп под Руаном... из-за долгов мастерской. Он требует четыре тысячи пятьсот евро. Завтра. До полудня. Сказал, если я не переведу деньги, он пойдет в ювенальный суд Нормандии и органы опеки. Заявит, что я бросила сыновей ради подпольного притона... лишит меня материнских прав, а Жюльена и Пьера отдаст в государственный интернат...

Слезы, которые Селин сдерживала изо всех сил, пока шла через мокрый двор, брызнули из глаз, оставляя темные дорожки на бледных щеках. Она прижала стаканчик к груди, судорожно втягивая воздух: — Я не знаю, что делать, Этьен... У меня нет таких денег. Я отдала все за жилье, за лечение Пьера, отправила перевод на лекарства... Если он пойдет в суд, судьи поверят ему! Они посмотрят на меня, на мои ночные смены, на улицу Сен-Пьер... и отберут мальчиков! Я потеряю их, Этьен! Я не переживу этого!

Этьен осторожно забрал у нее стаканчик, поставил его обратно на консоль и обнял ее за плечи — властно, крепко, притягивая к себе и укрывая своим шерстяным пиджаком от всего мира.

— Посмотри на меня, Селин, — тихо, но с абсолютной, непоколебимой жесткостью произнес он.

Селин подняла заплаканное лицо. Его пальцы бережно стерли соленую влагу с ее скул.

— Послушай меня очень внимательно, — заговорил Этьен, и в его голосе зазвучал уверенный, чеканящий слог опытного судебного оратора. — Я адвокат Марсельской коллегии. Я знаю семейный кодекс и процессуальные нормы Французской Республики до последней буквы. Бернар блефует от бессильной ярости. Ни один судья по делам несовершеннолетних — слышишь меня, ни один трибунал — не передаст опеку над детьми человеку без стабильного источника дохода, с зафиксированными долгами, арестованным имуществом и приступами алкогольной агрессии. Его угрозы юридически ничтожны. Это чистый шантаж, подпадающий под статью Уголовного кодекса о вымогательстве.

Он замолчал, давая смыслу слов проникнуть в ее сознание, затем крепче сжал ее плечи: — Я сам составлю ответ на его притязания. Если он посмеет сделать хотя бы шаг в сторону опеки, я задействую своих коллег в Руанской палате, и к полудню судебные исполнители наложат арест на остатки его инструментов. Забудь о Бернаре. Ты под моей защитой.

Селин уткнулась лбом в его плечо, вдыхая знакомый аромат шерсти и кедра. Сердце, колотившееся в груди как пойманная птица, начало медленно замедлять свой бешеный бег.

— Я выграл сегодняшний процесс в Апелляционном суде Экс-ан-Прованса, Селин, — уже мягче продолжил Этьен, поглаживая ее по волосам. — Мы полностью разбили позицию прокуратуры по делу депортации. Мой чистый гонорар — две тысячи восемьсот евро наличными. Они лежат здесь, в моем портфеле. Это наши деньги.

Он потянулся к крафтовому пакету, достал продолговатый белый ромбик традиционного провансальского калиссона, покрытого хрупкой сахарной глазурью, и поднес к ее губам: — Попробуй. Вкус миндаля, засахаренной дыни и апельсинового цвета. Никакого подвального хлора.

Селин откусила сладкую миндальную пасту. Тонкий, благородный вкус кондитерской набережной отозвался в душе почти забытым ощущением детской безмятежности.

— А теперь о главном, — Этьен подался вперед, заглядывая ей в глаза. В полумраке салона его лицо освещалось лишь тусклым свечением приборного щитка. — Я сегодня утром ездил смотреть ту самую квартиру на бульваре Лоншан. Туда, где платаны заглядывают прямо в окна.

Селин затаила дыхание, боясь спугнуть наваждение.

— Третий этаж, старинный доходный дом конца девятнадцатого века. Белоснежная лепнина на потолках, отреставрированный вощеный паркет, широкие французские окна во внутренний сад. Никакого уличного шума, никаких случайных прохожих. Аренда — тысяча четыреста евро в месяц. Хозяин просил задаток за два месяца, и я уже подтвердил бронь. Из сегодняшнего гонорара мы внесем платеж.

Этьен говорил так уверенно, словно это будущее уже наступило, словно они уже перешагнули порог: — В большой комнате мы поставим широкий дубовый стол для Жюльена. Там идеальный северный свет, он сможет часами чертить и рисовать свои эскизы, не боясь криков за стеной. А для маленького Пьера я нашел лучшего детского ортопеда через профессуру в Эксе. Мы купим ему правильные ботинки, закажем массажи, выправим сустав. Мы заберем мальчиков из Руана до конца месяца, Селин.

Селин смотрела на него через пелену слез, чувствуя, как внутри рушатся тяжелые каменные плиты многолетнего страха.

Этьен опустил руку во внутренний карман своего пиджака и медленно извлек небольшой футляр из темно-синего бархата. Щелкнула крошечная латунная застежка.

На черном атласном ложе тускло и благородно блеснул тонкий золотой ободок с глубоким, сапфировым кабошоном цвета ночного средиземноморского неба.

— Пятнадцатый размер, — прошептал Этьен, и его голос дрогнул от волнения. — Твой размер. Я присмотрел его в маленькой мастерской на улице Паради. Когда этот кошмар закончится... мы уедем подальше от городских сплетников. Мы не станем устраивать пышных приемов в Марселе. Оформим гражданский брак в тихой мэрии департамента Вар, а потом найдем старую часовню в предгорьях и обвенчаемся втайне от всех. Ты закроешь дверь «LÉcume» навсегда. Ты веришь мне, Селин?

Селин смотрела на мерцающую синеву камня. Это кольцо не было платой за молчание или откупом за ночную слабость. Оно было обещанием жизни.

— Верю... — выдохнула она одними губами. — Боже мой, Этьен... я так тебе верю...

Она подалась навстречу, обхватив его лицо ладонями, забыв про сорванный палец, про боль, про надвигающееся утро. Этьен привлек ее к себе, и их губы встретились в долгом, жадном, отчаянном поцелуе, в котором смешались пряная сладость горячего шоколада, миндальная глазурь и соленый вкус ее слез. Они целовались так, словно этот темно-синий автомобиль был единственным плотом посреди ревущего океана, готового поглотить их в любую секунду.

Селин прижалась щекой к его груди, слушая мерный, сильный стук его сердца под тканью пиджака. Впервые за долгие месяцы она ощутила не фальшивую броню Манон, а хрупкий, настоящий покой.

Они сидели в теплом полумраке салона, держась за руки, глядя, как капли дождя чертят причудливые узоры на запотевшем стекле.

И они совершенно не замечали, что происходило на другой стороне улицы Сен-Пьер.

Там, в пятидесяти метрах позади, в сырой тени раскидистого мокрого платана, стоял неприметный серый фургон без опознавательных знаков. Его лобовое стекло было покрыто незаметной зеркальной пленкой.

Внутри фургона, в тусклом зеленоватом свечении аналоговых контрольных мониторов, сидели два офицера технической службы судебной полиции Марселя, прикомандированные к Бригаде по борьбе с сутенерством — *BRP*. На их головах были плотно надеты массивные оперативные наушники.

В рамках оперативной разработки по факту содержания нелегального притона и организации проституции в спа-клубе «LÉcume» полицией был развернут комплекс негласного съема информации — *écoutes judiciaires*.

Сверхчувствительный направленный параболический микрофон, закрепленный на телескопической штанге под вентиляционной решеткой фургона, улавливал малейшие колебания воздуха, пробивавшиеся сквозь стекло стоящего напротив «Пежо».

Каждое слово Этьена о полученном судебном гонораре в две тысячи восемьсот евро. Каждое обещание оплатить задаток за квартиру на бульваре Лоншан. Каждое признание Селин о шантаже мужа и угрозах опеки.

Мерно вращались виртуальные катушки цифрового рекордера. На жесткий диск оперативного штаба секунда за секундой ложилась чистая звуковая дорожка.

Рядом со звукорежиссером в полумраке тихо щелкнул механический затвор фотоаппарата: через темное стекло оператор наружного наблюдения вел серийную съемку сквозь длиннофокусный объектив, фиксируя в профиль лицо влюбленного адвоката и силуэт женщины, которую он держал в объятиях.

В протоколе оперативного учета старший группы сухо и методично вывел черными чернилами:

«02:44. Объект Моро С. («Манон») зафиксирована в контакте с лицом, идентифицированным как Лоран Э., практикующий адвокат Марсельской коллегии. Зафиксированы факты предложения финансового укрытия средств и содействия в сокрытии ключевого фигуранта от оперативного контроля. Признаки соучастия по ст. 225-5 Code pénal задокументированы в полном объеме».

Невидимый капкан правосудия беззвучно и окончательно сомкнулся на их шеях.

Глава 3. Гроссбух мадам Колетт

Тонкое послевкусие засахаренной дыни, пряной корицы и горячего шоколада, оставшееся на губах после двадцати минут в тепле «Пежо» Этьена, начало растворяться на первой же ступени каменного спуска.

Марсельский воздух во дворе обжигал солью и холодом, но стоило Селин нажать на тяжелую латунную ручку служебного входа «LÉcume», как внешний мир снова схлопнулся. Ее обдало знакомой, тяжелой, удушливой волной. Подвальная сырость встретила привычным букетом: густая взвесь эвкалиптовой эссенции из перегретых саун, едкий, режущий глаза запах хлорной извести из очистительных контуров бассейна, въевшаяся в шершавый песчаник гарь чужого табака и дешевый химический дезинфектант, которым заливали кафель.

Селин прикрыла за собой дубовую дверь, щелкнув массивным засовом. Ноги подкашивались от накатившей свинцовой усталости. Мигрень, на короткое время отступившая рядом с Этьеном, вновь запульсировала в затылке тупыми, мерными ударами. Указательный палец правой руки нестерпимо дергал под пластырем: сорванный накануне ноготь пульсировал в такт бешеным ударам сердца. На левом запястье натянулась обожженная кожа.

В полумраке влажного коридора, выложенного скользкой бирюзовой плиткой, раздавались монотонные, шаркающие звуки. Из третьего номера тянулся шлейф мыльной пены. Там, согнувшись почти пополам, возкала тяжелой половой тряпкой Бабетта.

Ночной уборщице заведения было около пятидесяти восьми лет, но выглядела она на все семьдесят. Жизнь на самом дне Марселя высушила ее до костей: глубокие борозды морщин на сером лице, потухший взгляд слезящихся глаз и изуродованные тяжелым деформирующим артритом пальцы. Ее узловатые суставы с трудом сжимали деревянную ручку швабры, а толстые резиновые перчатки,изъеденные щелочью, давно потеряли первоначальный цвет. От ее выцветшего синего фартука за версту разило хлором, мокрым тряпьем и застарелым ментоловым бальзамом, которым она растирала больную поясницу.

Услышав шаги, Бабетта сдавленно крякнула, выпрямилась с явным усилием и оперлась о черенок.

— Закончила в третьем боксе, Манон... — сипло, с одышкой проговорила она, утирая пот со лба тыльной стороной предплечья. — Месье Дюран опять бокал расколол прямо у бортика джакузи. Пьяный был в стельку, стекло в слив затянуло. Все пальцы себе изрезала, пока обломки выгребала. Вода в трубе еле уходит.

Селин подошла ближе. В этом подвале Бабетта была единственным существом, не вызывавшим у нее глухого раздражения. За ее безропотным молчанием стояла та же безысходность: нищенская пенсия, больной внук в портовых трущобах и необходимость каждую ночь отмывать чужую грязь за несколько измятых бумажек.

— Иди в администраторскую, Бабетта, — негромко сказала Селин, придерживая ее за костлявое плечо. — Сядь, отдохни.

Она завела старуху в кабинет, пододвинула ей единственное мягкое кресло у стены, а сама подошла к металлическому шкафчику. Достала контейнер с густым домашним бульоном и кусок хрустящего багета, которые принесла еще вечером, и поставила перед уборщицей: — Поешь, пока горячий. Тебе еще первый бокс после тулонцев выгребать.

Бабетта стащила с рук мокрые перчатки. Ее пальцы — побелевшие, скрюченные, дрожащие — осторожно коснулись теплого пластика контейнера. В выцветших глазах блеснула влага. — Спасибо тебе, Селин... — прошептала она едва слышно, называя ее настоящим именем только здесь, за закрытой дверью. — Добрая ты душа. Не место тебе в этой яме. Пропадешь ты тут, девочка. Ох, пропадешь...

— Ешь, Бабетта, — мягко оборвала ее Селин, выдвигая ящик стола.

Она отсчитала из кассовой выручки положенную уборщице долю — восемьдесят евро мелкими купюрами за ночную смену — и аккуратно вложила их в ее изуродованную ладонь. Старуха спрятала деньги в нагрудный карман засаленного фартука и принялась торопливо хлебать бульон.

Но закончить трапезу ей не довелось.

Сухой, резкий, тяжелый металлический звук поворота ключа во внешней дубовой двери прозвучал без предварительного звонка зуммера.

В тишине подвала этот звук отозвался подобно выстрелу.

Бабетта замерла с пластиковой ложкой у рта, ее лицо мгновенно посерело от испуга. Судорожным движением она захлопнула контейнер, спрятала его под стол, вскочила на больные ноги и, подхватив ведро, боком выскользнула из кабинета в сторону бельевой подсобки. Персонал клуба чуял этот звук за версту. Без звонка и предупреждения в «LÉcume» входила только одна хозяйка.

Мадам Колетт Жиро.

Селин заставила себя глубоко вдохнуть, расправила плечи и застегнула верхнюю пуговицу черной шелковой блузы, мгновенно надевая на лицо непроницаемую, холодную маску «Манон».

Дверь администраторской распахнулась без стука.

В тесный, пропитанный паром и хлором кабинет вошла женщина, появление которой резало глаза диким, кричащим контрастом с убожеством полуподвала.

В свои пятьдесят восемь лет мадам Колетт выглядела безупречно, словно только что сошла со ступеней оперного театра в Экс-ан-Провансе. Марсельский штормовой мистраль не посмел растрепать ни единой волосинки ее платинового каре, уложенного волосок к волоску. На ее плечах покоилось тяжелое, переливающееся глубоким шоколадным блеском норковое манто. Шею прикрывал безукоризненно повязанный шелковый платок *Hermès*с традиционным верховым орнаментом, а сухощавое, ухоженное лицо со следами недавней пластической подтяжки хранило выражение абсолютной, ледяной надменности.

Колетт замерла на пороге, принципиально не прикасаясь пальцами к дверному косяку. Ее тонкие, бескровные губы были поджаты, а маленькие серые глаза — немигающие, холодные, глаза сытой рептилии — быстро и беспощадно зафиксировали обстановку. Они скользнули по забинтованному пальцу Селин, задержались на ее осунувшемся лице, отметили чашку с остатками кофе и опустились на кожаный переплет гроссбуха.

Густой, удушающий шлейф дорогих духов с резкими нотами сухой гвоздики, кожи и застоявшегося жасмина мгновенно вытеснил из комнаты запах бульона и сырости.

— В подвале разит прокисшим супом и дешевкой, Манон, — произнесла Колетт ровным, светским тоном, в котором, однако, слышалось чистое, брезгливое пренебрежение.

Она не здоровалась. Медленным, отработанным движением Колетт стянула с рук тонкие лайковые перчатки коньячного цвета, обнажив длинные узловатые пальцы с безупречным бордовым лаком и массивными перстнями из белого золота с крупными топазами. Она перешагнула порог, бросила перчатки на угол стеклянной стойки и грациозно опустилась в кресло, на котором минуту назад сидела нищая Бабетта, предварительно подобрав полы манто, чтобы драгоценный мех не касался засаленной обивки.

— Доставай кассу, — сухо приказала она.

Селин не произнесла ни слова. Движения ее были выверены сотнями подобных ночей. Она выдвинула нижний потайной ящик стола, достала плотный шелковый кошелек-тайник и выложила на матовое стекло аккуратные пачки банкнот.

Сухой, ритмичный шелест купюр достоинством в пятьдесят, сто и двести евро нарушил тишину кабинета. Колетт придвинула деньги к себе. Ее длинные пальцы с бордовыми ногтями замелькали над столом с профессиональной ловкостью и точностью банковского кассира.

Селин ровным, без единой модуляции голосом зачитывала финансовую анатомию прошедшей смены: — Базовый тариф: двести пятьдесят евро в час. Ровно сто евро — аренда приватного бокса клубу, сто пятьдесят — расчет девушке. За ночь прошло четыре стандартных захода. Это тысяча евро выручки: четыреста евро за боксы в кассу заведения, шестьсот евро — девочкам.

— И визитеры из Тулона, — перебила Колетт, не поднимая глаз от купюр. В ее голосе скользнул металл.

— Да, — Селин даже бровью не повела. — Ночной VIP-пакет во втором боксе: шестьсот евро. Триста евро клубу за гидромассаж, парную и оборудование, триста — расчет Хлое и Инес. Дополнительно: продажа двух бутылок шампанского из бара по сто пятьдесят евро за штуку, триста евро наличными.

Колетт закончила пересчет. На столе лежала тысяча шестьсот евро общеклубной доли.

Сухой, хищной ладонью хозяйка заведения отделила чистую прибыль клуба от аренды и алкоголя — ровно тысячу евро. Затем быстрым, отточенным жестом Колетт забрала из этой суммы ровно шестьдесят процентов — шестьсот евро наличными.

Этот кусок теневого дохода не подлежал никакой фиксации. Щелкнул золоченый замок дорогого кожаного ридикюля, и банкноты исчезли в его шелковых недрах.

Из оставшихся четырехсот евро Селин предстояло закрывать всю текущую жизнь подземелья. Она подвинула купюры к себе, лихорадочно прикидывая расходы: отдать Бабетте ее восемьдесят евро, оплатить доставку бытовой химии и дезинфектанта, расплатиться с ночной прачечной за партию белых простыней и полотенец, докупить эвкалиптовое масло... От клубной кассы оставались считанные крохи. Из скромного процента управляющей ей предстояло выкраивать деньги на собственное выживание. А в конце месяца нужно было отдавать тысячу четыреста евро за квартиру на бульваре Лоншан, где она надеялась спрятать детей...

Колетт подтянула к себе сафьяновый гроссбух, небрежно перевернула страницу и провела ногтем по свежим чернильным строчкам.

— В клубе бардак, Манон, — тихо произнесла она, и в ее голосе проступили ядовитые нотки. — Хлоя опять ревела в холле при гостях. Мне звонили уважаемые люди, выражали крайнее недоумение. Девка не умеет держать фасад. Инес хамит клиентам, требует чаевые сверх тарифа и грозит какими-то видеозаписями. А полчаса назад мне пришло сообщение на личный номер от супруги аудитора Дюбуа. Он звонил тебе ночью?

Селин сжала под столом здоровую руку в кулак, чувствуя, как сорванный ноготь пульсирует жаром. — Звонил, мадам Колетт. Просил подтвердить версию про термальный бассейн и минеральную воду на Гарибальди. Я уладила вопрос. Скандала не будет.

Колетт медленно поправила платок *Hermès*, провела ладонью по платиновому каре и тяжело, веско накрыла сафьяновый гроссбух сухой рукой.

— Запомни раз и навсегда, Селин, — хозяйка впервые за долгое время назвала ее настоящим именем, и от этого звука у Селин мороз пробежал по коже. — Девки в номерах — это *matériel consommable*. Расходный материал. Сегодня Хлоя, завтра Инес, послезавтра новые дурочки из Бретани или с румынской границы. Их слезы не стоят ни одного сантима. Клиенты платят нам сотни евро за иллюзию чистоты, безопасности и абсолютного молчания. За то, чтобы их почтенные имена во Дворце правосудия, банках и префектуре не полоскали в желтой прессе. Ты здесь сидишь не для того, чтобы жалеть этих дур. Ты — каменная стена этого дома. Если эта стена даст трещину — рухнет все. И ты первой окажешься под завалами.

Селин держала голову слегка наклоненной, демонстрируя абсолютную покорность, но внутри нее все клокотало глухой, отчаянной яростью. В памяти стояли теплые карие глаза Этьена Лорана, вкус корицы, его сильные руки и обещание спасения. Циничные поучения старой сутенерши жгли ее душу каленым железом.

— Теперь о бумагах, — Колетт полезла во внутренний карман норкового манто и извлекла плотную папку из серого прессованного картона.

Она швырнула ее на стекло. Зашелестели гербовые бланки.

Селин взглянула на документы: типовые соглашения субаренды нежилого подвального помещения на улице Сен-Пьер, акты приема-передачи импортного гидромассажного оборудования от фиктивной компании-однодневки и договоры на обслуживание вентиляционных систем.

— Подписывай, — Колетт положила рядом свою дорогую золоченую перьевую ручку.

Механика юридического укрывательства мадам Жиро была выстроена гениально и беспощадно. Колетт никогда и нигде не ставила собственную подпись. По всем официальным базам торгового реестра она была респектабельной рантье, пожилой вдовой, случайно сдающей площади в субаренду. Вся хозяйственная, финансовая и эксплуатационная деятельность «LÉcume» замыкалась исключительно на подставного управляющего.

— Что это за акты? — глухо спросила Селин, не спеша брать перо.

— Продление аренды и договор с технической службой, — равнодушно отозвалась Колетт, разглядывая свой безупречный маникюр. — Ставь свою административную подпись. То имя, которым ты визируешь кассовые ордера.

Селин взяла ручку. Золотое перо дрогнуло. Травмированный палец прострелило острой судорогой.

И в эту секунду ее пронзило леденящее, страшное откровение.

Она посмотрела на три пустые графы с пометкой *«LAdministrateur-délégué»*. Ловушка захлопнулась давным-давно, но только сейчас Селин увидела ее истинный масштаб.

В случае внезапного силового рейда Бригады по борьбе с сутенерством (*BRP*) и следователей судебной полиции (*Police Judiciaire*) весь удар закона обрушится не на эту холеную даму в норке. По статье 225-5 Уголовного кодекса Франции (*Code pénal*) за предоставление помещений для занятия проституцией, извлечение прямой выгоды из чужого разврата и ведение черной бухгалтерии на скамью подсудимых сядет только она — Селин Моро.

Ей грозит до семи лет тюрьмы и колоссальный штраф. А мадам Колетт просто выйдет через парадный вход, сядет в свой белоснежный «Мерседес» и уедет в Экс пить утренний кофе. У полиции не будет ни единой ее закорючки.

Селин медленно вывела размашистый автограф: «Манон Моро» на первом экземпляре. Затем на втором. И на третьем.

Каждая буква казалась гвоздем, забиваемым в крышку ее собственного гроба.

— Умница, — Колетт забрала бумаги, аккуратно уложила их обратно в картонную папку и поднялась с кресла. Норковое манто зашуршало. — Учись смотреть вперед, Манон. В этом городе каждый спасает свою шкуру сам. До четверга.

Она натянула лайковые перчатки, развернулась на высоких каблуках и вышла, не прощаясь.

Тяжелая наружная дубовая дверь захлопнулась с глухим стуком, вновь отрезая подвал от сырого утреннего Марселя.

Селин осталась одна.

В комнате стояла оглушающая, мертвая тишина, перебиваемая лишь монотонным, утробным капанием воды из неисправного крана в коридоре.

Селин медленно подняла голову и взглянула на свое отражение в темном стекле двери кабинета. Из мутной глубины на нее смотрела смертельно бледная тридцативосьмилетняя женщина с темными тенями под серыми глазами, растрепанными каштановыми волосами и забинтованным пальцем.

Она вдруг с отчетливой, жуткой ясностью увидела в этом стекле два возможных пути. Первый — через десять лет превратиться в такую же бездушную рептилию, как Колетт Жиро, потерявшую стыд, жалость и человеческий облик. Второй — оказаться в камере марсельской женской тюрьмы Бометт, откуда ее мальчиков навсегда заберут в государственный приют под Руаном.

Селин зажмурилась, судорожно сжав пластырь на покалеченном пальце.

Единственной соломинкой, удерживавшей ее над этой пропастью, оставался Этьен. Его темно-синий «Пежо», мерцающий синий сапфир в бархатном футляре, запах миндаля и обещание увезти ее на светлый бульвар Лоншан.

Она должна была вырваться. Чего бы это ни стоило. Любой ценой.

Глава 4. Ночнаяосада и приступ

Январь затапливал Марсель промозглым, ледяным мраком. Штормовой мистраль, пришедший с северо-запада, гнал над крышами старого квартала Панье тяжелые свинцовые тучи, швыряя в базальтовые мостовые колючую крупу из мокрого снега и соленого дождя. Город прятался за наглухо закрытыми деревянными ставнями, и лишь редкие тусклые фонари надрывно скрипели на чугунных растяжках, выхватывая из темноты бурлящие потоки черной грязи, несущейся в сторону гавани.

Но здесь, за трехметровой толщей векового фундамента особняка на улице Сен-Пьер, ярость стихии превращалась в едва различимое, утробное гудение.

В цокольном лабиринте спа-клуба «LÉcume» царила привычная, сгустившаяся до дурноты атмосфера. К полуночи воздух в служебных проходах становился плотным, словно жидкий желатин: едкие испарения эвкалиптового масла из перегретых парных смешивались с удушливым химическим запахом хлорной извести из фильтров бассейна, застоявшейся гарью дешевого табака и тяжелым шлейфом восточных духов с нотами пачули и мускуса, въевшимся в поролон диванов.

Селин сидела за стойкой администрации, положив свинцовую голову на ладони. Физическое истощение ломало кости. Сорванный на правом указательном пальце ноготь дергал злой, горячей болью, пропитывая пластырь липкой сукровицей. На левом запястье багровел сухой рубец от термического ожога, стягивая кожу при каждом движении кисти. Но страшнее телесных ран была мигрень: тяжелый чугунный молот методично бил в затылок в такт монотонному шуму водосточной трубы, уходящей сквозь потолок в гранитное основание здания.

Она перевернула страницу кассового гроссбуха, механически проверяя чернильные столбики. В заведении шла обычная ночная рутина: в первом боксе плескалась вода — двое подвыпивших экспедиторов из доков делили джакузи; во втором номере месье Дюран тихо пил минеральную воду в обществе покорной Инес.

Внезапно внутреннее чутье, выработанное за два года жизни в марсельском подполье, заставило Селин насторожиться. Волоски на предплечьях встали дыбом. Это было почти физическое ощущение чужого, холодного взгляда, буравящего толщу камня.

Она бесшумно поднялась из-за стола. Стараясь не шуршать подошвами мягких туфель по мокрому кафелю, Селин прошла в темный угол прихожей и замерла под узким, бойничным подвальным окном, выходившим на уровень брусчатки улицы Сен-Пьер. Стекло было мутным, покрытым слоем многолетней копоти и водяных подтеков, но сквозь него открывался косой сектор обзора на противоположную сторону переулка.

Селин затаила дыхание, вглядываясь в серую мглу штормовой ночи.

Там, в глубокой тени заброшенного кирпичного забора портовой автобазы, бесшумно замер темно-серый неприметный «Пежо» без опознавательных знаков. Свет его фар был выключен, но мерные взмахи стеклоочистителей и тонкая струйка сизого пара, вырывавшаяся из выхлопной трубы, выдавали работающий на холостом ходу двигатель.

Спустя ровно три минуты со стороны набережной медленно подкатил второй автомобиль — потертый гражданский «Ситроен». Он встал наискосок, перекрывая узкий выезд на бульвар. На мгновение в глубине салона «Ситроена» вспыхнул огонек зажигалки, выхватив из темноты суровый, костистый профиль мужчины в надвинутой на лоб темной вязаной шапке. Короткий блеск металлического ободка — и в приоткрытую щель бокового стекла высунулся тупой срез длиннофокусного объектива, наведенного прямо на дубовую дверь «LÉcume».

Сердце Селин пропустило удар и заколотилось где-то у самого горла.

Опыт десятков проверок подсказал безошибочно: это не случайный патруль жандармерии, высматривающий пьяных матросов. Это наружное наблюдение Бригады по борьбе с суте-

нерством — *BRP*. Группа инспектора Люка Бланшара. Классическое двухточечное оцепление переулка: блокировка путей отхода, фиксация лиц, выжидание контрольной закупки или выхода ключевого фигуранта с кассой.

Они ждали, пока клуб допустит хотя бы одну оплошность, чтобы ворваться с поличным.

Ледяная волна страха на мгновение сковала мышцы, но тут же отступила перед расчетливым профессиональным хладнокровием Манон. Паника в этом подвале означала тюрьму.

Селин отступила от окна, развернулась и быстрыми, неслышными шагами скользила по бирюзовому коридору.

У стойки администрации жались друг к другу испуганные девушки. Блондинка Хлоя дрожала всем телом, судорожно вцепившись пальцами в ворот махрового халата; рядом стояла Инес в шелковом пеньюаре, настороженно прислушиваясь к звукам вентиляции.

— Манон... — прошептала Хлоя побелевшими губами, заметив выражение лица администратора. — Там... на улице машины? Это они? Полиция? Они будут ломать дверь?

— Замолчи, — голос Селин прозвучал сухо, тихо и жестко, хлестнув по нервам девушек, как плеть. — Прекратить истерику. Слушать меня и выполнять секунда в секунду.

Она подошла к электрощитовой в нише стены: — Хлоя, немедленно переведи главный рубильник в аварийный режим. Погасить наружные фонари у входа, отключить подсветку вывески, убрать верхний свет в коридорах. Оставить только тусклые янтарные диоды по плинтусам. Быстро!

Хлоя метнулась к щитку. Глухо щелкнули тумблеры, и холл клуба погрузился в тревожный, густой полумрак.

Селин повернулась к Инес: — Инес, дубовую дверь на два оборота бронзового ключа. Задвинь нижний засов намертво. Затем собери из бара всю наличную выручку, гроссбух со стойки и неси в дальнюю сауну. Спрячешь всё в тайник за деревянной панелью обшивки. Ни одной купюры, ни единого чека или блокнота на виду быть не должно.

— А клиенты? — прошипела Инес, пряча за спину дрожащие руки с ярким маникюром. — Во втором боксе экспедиторы...

— Подойдешь к каждому номеру, постучишь и скажешь ровным тоном: в квартале авария на центральной подстанции, обесточена вся улица Сен-Пьер. Воду не включать, музыку заглушить, сидеть тихо, свет не зажигать. Телефоны перевести в авиарежим. Если кто-то из них начнет буянить — скажи, что под дверью стоит наряд с собаками, и если они хотят сохранить свои имена в тайне от жен и работодателей, они будут сидеть как мыши. Исполнять!

Инес бросилась по коридору.

Через минуту тяжелый латунный засов внешней двери с глухим, окончательным скрежетом вошел в каменный паз. В клубе воцарилась противоестественная, ватная тишина. Погасли яркие галогенные споты над зеркалами, стих плеск джакузи, смолк фоновый джаз. Пространство сжалось. Подвал превратился в каменный герметичный мешок, отрезанный от мира. Снаружи на ледяном ветру дежурили оперативники BRP, готовые при малейшем шорохе выбить массив тарана; внутри, во тьме, затаив дыхание, сидели полуголые испуганные мужчины и девицы.

Селин вернулась в темную администраторскую и опустилась на кафельный пол, прижавшись спиной к шершавой штукатурке стены.

В этой звенящей темноте мысли ее обнажились до костей. Внутренний монолог звучал беспощадным приговором: какова истинная цена ее жизни под чужим именем «Манон»? Ради чего она терпела удушливую вонь хлора, капризы пьяных тулонцев, циничные пощечины мадам Колетт и ночной террор Бернара? Ради денег для сыновей. Ради того, чтобы Жюльен в далеком Руане мог спокойно учиться, а маленький Пьер получил лечение. Но сейчас эта иллюзия защиты рассыпалась в прах. Она была загнанным зверем в каменной яме. Шаг вправо — тюрьма по статье 225-5, позор, сломанная жизнь детей. Шаг влево — медленное гниение заживо в подвале.

На настенных часах фосфорные стрелки медленно ползли вперед: 01:35... 01:38... 01:40.

Внезапно в кармане ее бежевого пальто резко и дробно завибрировал личный смартфон.

Звук показался оглушительным, как взрыв гранаты. Селин похолодела. Дрожащими пальцами она выхватила аппарат, прикрывая светящийся экран полой пальто.

На дисплее высветился нормандский номер: Марго (Руан, соседка).

У Селин оборвалось сердце. В такое время соседка могла звонить только в одном случае — если стряслось непоправимое.

Она вскочила, бесшумной тенью скользнула в самую дальнюю, обесточенную кладовую возле котельной, плотно притянула за собой войлочную дверь и прижала телефон к уху, зажимая микрофон ладонью: — Марго... говори шепотом, умоляю. Что случилось?

— Селин! Господи, Селин, помоги! — из динамика вырвался истошный, захлебывающийся крик женщины, перекрываемый глухим, разрывающим сердце детским ревом. — С Жюльеном беда! Он умирает!

Ледяная игла пронзила грудь Селин, перехватив дыхание: — Что с ним?! Что с моим мальчиком?!

— У него страшный приступ! — Марго рыдала в трубку, захлебываясь словами. — Он делал чертежи, потом вдруг упал на ковер... Начался спастический спазм! Челюсть свело намертво, зубы сжаты до скрежета, лицо посинело! Он не может сделать вдох, Селин! Ноги сводит судорога, его колотит по полу, пена у рта! Карманные ингаляторы пустые, он задыхается! Пьер кричит от ужаса, держит его за голову... Я звонила в муниципальную скорую Руана — диспетчер говорит, что из-за гололеда и снежного заноса на трассе все бригады на авариях! Машина будет не раньше чем через три часа! Он не доживет, Селин! Он задохнется прямо сейчас на моих руках!

Слова соседки падали в сознание Селин тяжелыми свинцовыми ударами.

У четырнадцатилетнего Жюльена на фоне постоянного стресса, отцовских пьяных скандалов и глубокого нервного истощения развился тяжелейший нейровегетативный спастический криз с отеком гортани. Спазм межреберных мышц и челюстно-лицевых нервов перекрывал доступ кислорода. Ребенок угасал в агонии за девятьсот километров от нее.

Селин сползла по кафельной стене кладовой на холодный пол.

Ее охватило дикое, первобытное материнское безумие. Каждая клетка ее тела кричала: сорвать засов, выбежать наружу, броситься на вокзал Сен-Шарль, поймать любую машину, мчаться через всю Францию к сыну, разорвать грудь, но вдохнуть в него жизнь!

И в этот же миг перед глазами встала беспощадная реальность.

Стоит ей повернуть бронзовый замок и сделать шаг на улицу Сен-Пьер — она шагнет прямо в разверстую пасть капкана.

Там, в мокрой темноте, стоят серый «Пежо» и «Ситроен» инспектора Бланшара. Длиннофокусные камеры, оперативники в балаклавах, наручники, захват. Личный досмотр, протокол, задержание по статье 225-5 за сутенерство. Допрос во Дворце правосудия, вскрытие ее тайной жизни, газетные заголовки, суд, тюремный срок в Бометт и немедленное лишение родительских прав. Бернар с торжествующей ухмылкой заберет мальчиков и сдаст их в сиротский приют.

Она была в абсолютном, беспросветном тупике. Выйти — погубить семью окончательно. Остаться — позволить сыну умереть в муках.

Слезы душили ее, горло раздирал беззвучный вой. Она сжала телефон до хруста в пальцах, чувствуя, как сорванный ноготь лопается от нажима, пачкая экран кровью.

И тогда в ее угасающем сознании вспыхнуло единственное имя. Единственный человек во всем мире, который мог сотворить чудо.

Селин смахнула слезы и дрожащим пальцем набрала номер **Мэтра Этьена Лорана**.

Гудок. Второй. На третьем щелчке в трубке раздался бодрый, спокойный голос адвоката:

— Селин? Ты почему не спишь, родная?

— Этьен... — ее голос сорвался на сухой, хриплый стон, переходящий в отчаянную мольбу. — Спаси его... Умоляю тебя, спаси Жюльена... Он умирает в Руане...

Лоран мгновенно подобрался; интонация его голоса изменилась, став предельно собранной и острой:

— Что случилось? Говори четко.

— У него страшный приступ... спазм челюсти, удушье, судороги... Скорая Руана не едет, заносы на дорогах, они прибудут только к утру... Он задохнется, Этьен! — слезы брызнули из ее глаз, она уткнулась лбом в холодную коленку. — А я не могу выйти... Спа-клуб заблокирован полицией! На улице стоят машины BRP, Бланшар перекрыл выезды... Если я открою дверь — меня арестуют прямо на крыльце! Я заперта в подвале, Этьен! Я ничего не могу сделать... Мой мальчик умирает, а я сижу в этой яме!

Секунда тишины на другом конце провода показалась ей вечностью.

В этой паузе решалась судьба тридцатиоднолетнего блестящего юриста. Он мог сказать, что это не его дело, что бросать практику посреди ночи — безумие, что ехать за девятьсот километров в снежный шторм смертельно опасно, а связываться с семьей администратора подпольного борделя — конец адвокатской карьере.

Но Этьен Лоран не колебался ни доли секунды. Мужчина и влюбленный человек в нем победили расчетливого законника в одно мгновение.

— Замри, Селин, — отчеканил он властным, твердым тоном, не допускающим возражений. — Дыши глубже и слушай меня. Сиди в подвале. Дверь не открывай ни при каких обстоятельствах. К оперативникам не выходи. Ты слышишь меня?

— Слышу... — прошептала она, глотая соленые слезы.

— Я беру Жюльена на себя, — произнес Этьен с такой непоколебимой силой, что мороз продрал ее по коже. — Я спасу твоего сына. Клянусь тебе. Жди моих новостей.

Щелкнул отбой.

В своей квартире на набережной Этьен Лоран действовал с молниеносной быстротой. Бросив на столе раскрытые тома текущих дел, не тратя времени на сборы, он схватил кожаный

портфель, куда накануне убрал две тысячи восемьсот евро гонорара за выигранный процесс в Эксе, накинул пальто и выскочил во тьму.

Темно-синий «Пежо 406» сорвался с места с пробуксовкой, взрезая колесами лужи Старого порта.

Этьен вылетел на северную магистраль A7 — знаменитую «Автостраду Солнца». Но этой ночью солнца не было: трасса превратилась в ледяную преисподнюю. Проливной южный ливень по мере продвижения вглубь страны сменялся плотной стеной мокрого снега и гололедом. Порывы штормового ветра швыряли автомобиль из полосы в полосу. Стеклоочистители метались по стеклу с надсадным визгом, фары выхватывали из темноты развороченные сугробы и мигающие аварийные огни разбитых фур на обочинах.

Стрелка спидометра «Пежо» балансировала на грани безумия: 140... 150 километров в час по скользкому полотну. Лоран держал руль мертвой хваткой до белизны в суставах, обгоняя редкие колонны снегоуборочной техники, вливая в себя обжигающий эспрессо на заправках и не глуша мотор ни на секунду. Ему предстояло преодолеть девятьсот километров через всю Францию — из Средиземноморья к Ла-Маншу. Это была гонка со смертью.

А в Марселе Селин проживала каждую минуту этой ночи как круги ада.

Она сидела на полу темной кладовой, поджав колени к груди. Телефон лежал на ладони, экран освещал ее бледные пальцы. Время ползло с садистской медлительностью.

Два часа ночи... За стенами слышался мерный, низкий рокот моторов дежурных машин BRP.

Три часа ночи... В трубе монотонно вибрировала вода. Хлоя тихо скулила в дальнем углу холла, Инес считала удары сердца.

Четыре часа... Пять утра... Шесть...

Каждая секунда тишины казалась Селин известием о гибели ее первенца. Она молилась — бессвязно, жарко, исступленно, вспоминая детские молитвы нормандской часовни, сжимая в кулаке окровавленный пластырь на пальце.

К девяти часам утра, когда серая зимняя мгла начала рассеиваться над заснеженными шпилями Руана, истерзанный «Пежо 406» с заляпанными грязью номерами влетел в предместье нормандского города.

Этьен Лоран не стал связываться с перегруженными муниципальными службами. По дороге, через мобильную связь и свои адвокатские контакты, он поднял на ноги руководство престижной частной педиатрической клиники «Сен-Матьё». Он лично вызвал из дома лучшего детского челюстно-лицевого хирурга и дежурного реаниматолога.

Подъехав к дому Селин, Этьен на руках вынес задыхающегося, синеющего Жюльена, закутал его в свое пальто и на предельной скорости доставил в приемный покой.

Чтобы мальчика приняли безотлагательно, минуя страховую волокиту и бюрократические проволочки, Этьен расстегнул портфель прямо на стойке старшей медсестры и выложил на стол две тысячи восемьсот евро наличными — весь свой гонорар, до последнего цента: — Это депозит. Реанимация, отдельный бокс, лучшие препараты. Начинайте немедленно.

Он остался внутри. Стоял у стеклянной перегородки процедурного кабинета, наблюдая, как врачи вводят мальчику мощные спазмолитики, купируют судорожный синдром и устанавливают кислородную маску. Когда дыхание ребенка выровнялось, спазм челюсти отпустил, а к бледным щекам вернулся румянец, Этьен сел на табурет у постели Жюльена. Он бережно взял слабую, тонкую руку подростка в свои теплые ладони и сидел рядом, пока капельница мерно отсчитывала спасительные капли.

В Марселе на часах было ровно десять утра.

Сквозь мутное подвальное оконце пробивался блеклый серый свет зимнего утра. Селин сидела на кафеле в полуобморочном оцепенении, потеряв счет времени.

Внезапно телефон в ее руке мягко завибрировал.

Экран вспыхнул именем: **ЭТЬЕН**.

Селин судорожно нажала на кнопку, боясь поднести трубку к уху: — Этьен... скажи мне... умоляю...

Из динамика донесся усталый, осипший, но бесконечно теплый голос Лорана. На заднем фоне слышалось мерное попискивание кардиомонитора и тихий шум больничного коридора: — Селин... Кризис миновал. Спазм полностью сняли. Жюльен уснул под капельницей, его жизни ничто не угрожает. Врачи сказали, мы успели вовремя. Я здесь, рядом с ним. Держу его за руку.

Селин выронила трубку на колени.

Она опустилась лицом прямо на холодный кафель подсобки и зарыдала — впервые за эти сутки слезами очищения, спасения и безграничной, всепоглощающей благодарности. Темная бездна отчаяния разверзлась, уступая место чистому свету.

А на улице Сен-Пьер в этот же миг раздался глухой шум заведенного мотора.

Инспектор Люк Бланшар и оперативники BRP, так и не дождавшись выхода клиентов или контрольной передачи денег из наглухо запертого клуба в эту штормовую ночь, приняли решение свернуть плотное кольцо. Серый «Пежо» и «Ситроен» медленно тронулись с места и скрылись за поворотом, оставив в переулке лишь одну скрытую дежурную машину для вялотекущего контроля.

Осада была снята. Сын был спасен.

Селин лежала на полу, слушая тишину подземелья. Пропасть между двумя мирами стала абсолютной. С одной стороны была слепая, равнодушная жестокость закона, подлость Бернара и грязь улицы Сен-Пьер. С другой — безусловное, жертвенное благородство Этьена, преодолевшего ночь, шторм и девятьсот километров ледяных дорог ради ее ребенка.

Но профессиональное чутье ночного администратора подсказывало: эта ночная победа — лишь короткая, обманчивая передышка перед сокрушительным ударом, который полиция готовила в тишине своих кабинетов.

Глава 5. Невидимый свидетель

Серый январский рассвет просачивался сквозь щели уличных люков и подвальных окон с мучительной, вязкой медлительностью. Ночь осады отступила, но оставила после себя в коридорах «LÉcume» тяжелое, липкое похмелье страха.

В подвале снова зажгли дежурное освещение — блеклые люминесцентные трубки под потолком гудели с назойливой частотой, обнажая грязно-бирюзовую плитку, разводы мыльной пены на полу и бледные, серые лица ночных затворниц. Клиенты, просидевшие в темноте запертых боксов четыре часа, покинули клуб еще на рассвете, крадучись вдоль мокрых стен улицы Сен-Пьер, натянув воротники плащей до самых глаз и шарахаясь от каждого случайного мусоровоза.

Селин сидела за администраторской стойкой, не шевелясь. Пальцы ее рук одеревенели, сжимая остывшую фаянсовую чашку с горьким, черным осадком эспрессо. На правом указательном пальце сукровица пропитала марлевый пластырь, высохла и намертво прилипла к открытой ране сорванного ногтя — любое касание отдавало пульсирующей судорогой. На левом запястье багровел стянутый холодом рубец от ожога кипятком. Мигрень больше не колотила в виски молотом — она осела на дно черепа тупой, свинцовой плитой.

В коридоре Бабетта с глухим стоном выжимала в ведро разбухшую тряпку. Суставы ее артритных рук белели под рваной резиной перчаток, а из-под двери подсобки доносился приглушенный шепот Хлои и Инес, деливших оставшиеся чаевые. Жизнь клоаки возвращалась в свое механическое русло.

Но внутри Селин не было покоя. Весть из Руана о том, что кризис миновал и Жюльен дышит под капельницей, принесла слезы облегчения, но не сняла петлю. Она знала: в Нормандии рассвело тоже. А значит, в предместье Руана проснулся человек, чья слепая, алкогольная ненависть питалась чужой болью.

Телефон на матовом стекле завибрировал ровно в 07:15 утра.

Экран вспыхнул резким белым светом, разрезая полумрак. Имя звонившего стояло перед глазами, как приговор: **БЕРНАР**.

Селин глубоко вздохнула, зажмурилась, пытаясь собрать остатки воли, и провела подушечкой пальца по экрану. Она включила громкую связь и положила аппарат перед собой, не решаясь прижать трубку к уху.

— Да, Бернар.

— Ты думала, я не узнаю, сука?! — голос бывшего мужа не просто ворвался в динамик — он брызнул ядовитой слюной и перегаром, от которого задрожала мембрана аппарата. Связь хрипела, но бешенство в его интонациях было осязаемым, густым и звериным. — Думала, провернешь всё за моей спиной и выйдешь сухой из воды?!

Селин почувствовала, как мороз пробегает по коже. — О чем ты говоришь, Бернар? — тихо спросила она, заставляя связки звучать ровно. — Говори тише.

— О чем я говорю?! — Бернар издевательски, надсадно захохотал, закашлявшись глухим кашлем заядлого курильщика. — Мне сорок минут назад звонила старшая медсестра из клиники «Сен-Матьё»! Из чертовой частной клиники Руана, куда простых смертных на пушечный выстрел не подпускают! Я приехал туда разбираться, где мои пацаны, а меня охрана в шею вытолкала! Знаешь, что мне сказали в приемном покое?! Что Жюльена посреди ночи привез какой-то лощеный франт! Адвокат из Марселя! Мэтр Этьен Лоран!

Селин онемела. Кровь с шумом отхлынула от ее лица.

— Этот хлыщ ворвался в отделение, поднял на уши дежурных хирургов и швырнул на стол пачку наличных! — продолжал орать Бернар, захлебываясь желчью. — Две тысячи восемьсот евро новенькими банкнотами! Он сидел у постели Жюльена до самого утра, держал

его за руку, как родного, а потом подписал бумаги на оплату отдельной палаты! Откуда у тебя этот адвокат, Селин?! Откуда у шлюхи из марсельского подвала ручной юрист с тысячами евро в кармане пиджака?!

— Бернар, замолчи... — Селин вцепилась побелевшими пальцами в край стеклянной стойки, сдерживая рвущийся из груди крик. — У мальчика был отек гортани! Спазм челюсти! Он умирал на полу! Скорая помощь Руана отказалась ехать из-за снежных заносов! Если бы Этьен не успел, Жюльена бы уже не было в живых! Ты понимаешь это своей пьяной головой?! Он спас твоего сына!

— Спас?! — взревел Бернар так, что Бабетта в коридоре выронила швабру, испуганно заглянув в полуоткрытую дверь. — Он оплатил жизнь моего сына деньгами, которые ты нагуляла с ним в постели! Ты спишь с ним, Селин! Ты продаешь свою шкуру в Марселе, крутишь шашни с адвокатишкой, а я должен сидеть в долгах и смотреть, как чужой мужик хозяйничает в моей семье?! Мне плевать на твои слезы! Мне плевать на его благородство!

В трубке послышался тяжелый металлический лязг — Бернар со злостью пнул какую-то деталь в своей заброшенной мастерской.

— Слушай меня сюда, тварь, — его голос понизился до шипящего, леденящего шепота. — Судебные приставы сегодня к полудню опечатывают автоприцеп и забирают компрессор за долги. Мне нужны четыре тысячи пятьсот евро. Если у твоего адвоката есть деньги швырять их врачам, значит, найдутся деньги и на меня! До полудня 4 500 евро должны быть на моем счете!

— У меня нет этих денег, Бернар, — прошептала она, глядя на дрожащую стрелку настенных часов. — Этьен отдал врачам весь свой гонорар. У нас ничего не осталось...

— Не найдешь — пеняй на себя! — отрезал он с мстительным торжеством. — В двенадцать часов дня я буду стоять на пороге ювенального суда Руана! Я подниму на ноги службу опеки, заявлю прокурору, что мать бросила несовершеннолетних детей, торгует собой на юге и пускает в дом посторонних мужиков! Я заберу у тебя Жюльена и Пьера через суд, лишу тебя всех прав, а твою марсельскую лавочку на улице Сен-Пьер разнесут жандармы! Ты сядешь за решетку, Селин! Запомни: до. полудня!

Раздался сухой, яростный треск удара трубки о стену, и динамик заполнился короткими, бессердечными гудками.

Селин медленно уронила голову на стол. Холодное матовое стекло обожгло щеку.

Казалось, воздух в комнате кончился. Шантаж бывшего мужа приобрел чудовищный, законченный оборот. Бернар не просто требовал деньги — он нащупал самое уязвимое, самое священное место: ее сыновей и имя Этьена. Если этот озлобленный алкоголик действительно дойдет до ювенальной юстиции, французская государственная машина перемелет ее за считанные дни. Судьи по делам семьи не прощают женщинам работы в теневом секторе. Лишение родительских прав, казенный интернат для мальчиков, публичный позор и уголовная статья...

Она сидела неподвижно, глядя, как по пыльному пластику стойки ползет крошечный серый паук.

Она не знала — и не могла знать, — что каждое слово этой утренней драмы уже перестало принадлежать ей.

В это же самое утро, за два километра от темного подвала на улице Сен-Пьер, над Марселем вставало холодное, выцветшее солнце.

На третьем этаже массивного серого здания Дворца правосудия — *Palais de Justice*— в кабинете царила стерильная, дисциплинированная тишина, прерываемая лишь сухим щелканьем переключателей да мерным шуршанием магнитной ленты. Высокие французские окна выходили на гавань Старого порта, где за мутным стеклом покачивались на соленой волне белые мачты яхт и ржавые буксиры.

В воздухе кабинета висел плотный, въевшийся в штукатурку и бумажные переплеты запах крепкого черного кофе, дешевого табака сигарет «Gauloises» и пыли ведомственных архивов.

За широким дубовым столом, заваленным папками с грифом «Police Judiciaire», сидел комиссар Франсуа Морель.

Ему было сорок шесть лет — возраст, когда романтические иллюзии о правосудии давно выгорают, уступая место холодной, математической въедливости. Высокий, сухощавый, с короткой стрижкой с проседью на висках и глубокими носогубными складками, Морель походил скорее на профессора анатомии, чем на полицейского чиновника. Его темно-серый шерстяной пиджак сидел безупречно, накрахмаленный воротник рубашки был расстегнут на одну пуговицу, а пальцы правой руки — указательный и средний — были намертво тронуты никотиновой желтизной.

Напротив него, прислонившись широким плечом к металлическому сейфу, стоял инспектор Люк Бланшар — тридцатичетырехлетний оперативник Бригады по борьбе с сутенерством (*BRP*). Бланшар выглядел человеком с улицы: кожаная потертая куртка поверх темной водолазки, трехдневная щетина, тяжелые армейские ботинки и воспаленные, красные от ночного дежурства глаза. Именно он провел прошлую ночь в мокром фургоне на Сен-Пьер, наблюдая, как спа-клуб наглухо закрывает двери.

На углу стола мягко вращались тонкие бобины швейцарского аудиорегистратора марки «Nagra», соединенного с цифровым блоком оперативно-технического комплекса «Слух-Сеть» (*écoutes judiciaires*).

На головах Мореля и Бланшара были надеты массивные оперативные наушники с мягкими амбушюрами.

Из динамиков сквозь легкое фоновое шипение высокочувствительного перехвата доносился тот самый разговор, завершившийся всего двадцать минут назад.

Голос Бернара звучал глухо, с характерным нормандским акцентом: *«...Я приехал туда разбираться... Жюльена посреди ночи привез какой-то лощеный франт! Адвокат из Марселя! Мэтр Этьен Лоран!.. Две тысячи восемьсот евро новенькими банкнотами!.. Если у твоего адвоката есть деньги швырять их врачам, значит, найдутся деньги и на меня!.. До полудня 4 500 евро должны быть на моем счете!..»*

Затем раздался тихий, прерывающийся от отчаяния голос Селин: *«...Этьен отдал врачам весь свой гонорар. У нас ничего не осталось...»*

Щелчок отбоя. В наушниках зазвучали монотонные короткие гудки.

Комиссар Морель протянул руку с пожелтевшими пальцами, нажал круглую клавишу «Стоп» и медленно снял наушники, опустив их на зеленое сукно стола.

В кабинете воцарилась тишина. Морель достал из пачки папиросу «Gauloises», чиркнул бензиновой зажигалкой и сделал глубокую, долгую затяжку, выпустив струю сизого дыма к высокому потолку. Его серые, цепкие глаза под густыми бровями сузились.

— Ну что скажете, Люк? — негромко спросил комиссар, глядя на подчиненного сквозь табачную пелену.

Бланшар шумно потер ладонями небритое лицо, хрустнув шейными позвонками: — Семейная грызня высшей пробы, шеф. Бывший муженек сидит в Руане по уши в долгах и выбивает из бабы последние сантимы. Классический шантаж ювенальной юстицией. Женщина загнана в угол: пашет ночами в подвале, чтобы прокормить двоих пацанов и закрыть хвосты этого ублюдка. Если бы не этот пассаж про деньги врачам, ее можно было бы даже пожалеть.

— Пожалеть? — Морель тонко, едва заметно усмехнулся одними уголками сухих губ. — Уголовно-процессуальный кодекс Французской Республики не оперирует категорией жалости, Бланшар. Нас с вами интересует не семейная драма мадам Моро. Нас интересует второе действующее лицо этой пьесы.

Комиссар пододвинул к себе толстую картонную папку с красной диагональной полосой — оперативное дело разработки «LÉcume».

Поверх протоколов наружного наблюдения лежал свежий лист машинописного текста с логотипом Совета коллегии адвокатов Марселя (*Ordre des Avocats du Barreau de Marseille*). С черно-белой фотографии на Мореля смотрело молодое, уверенное лицо мэтра Этьена Лорана — подтянутый юрист с открытым взглядом и безупречной репутацией.

— Мэтр Лоран, — задумчиво произнес Морель, постукивая мундштуком сигареты по фотокарточке. — Тридцать один год. Сын профессора кардиологии из Экса. Восходящая звезда марсельской адвокатуры. Блестяще ведет уголовные защиты по назначению, выигрывает дела мигрантов в Апелляционном суде. Коллегия прочит ему место в совете палаты через пару лет... И что мы видим здесь?

Морель открыл папку и перевернул несколько страниц стенограмм: — Запись номер 305 от позавчерашней ночи: Лоран встречает фигурантку в машине на Сен-Пьер, поит ее горячим шоколадом и обещает снять мансарду на бульваре Лоншан за тысячу четыреста евро в месяц, чтобы спрятать ее от ночной работы. Запись номер 402: Лоран дает прямые инструкции администратору нелегального борделя не хранить наличные в подсобке, обещает прикрыть ее перед фискальными органами и замять вопросы с опекой. А сегодняшней ночью мэтр лично мчит за девятьсот километров сквозь снежный буран и вносит две тысячи восемьсот евро судебного гонорара наличными за лечение ее сына!

Бланшар усмехнулся, покачав головой: — Парень втрескался по самые уши, шеф. Потерял голову из-за тридцативосьмилетней содержательницы притона. Бывает.

— Это называется не «бывает», Люк, — голос Мореля стал сухим и жестким, как удар молотка судьи. — На языке уголовного права это называется прямым соучастием.

Комиссар затушил окурок в массивной хрустальной пепельнице и встал из-за стола. Заложив руки за спину, он подошел к высокому окну, глядя на серые волны залива: — Статья 225-5 Уголовного кодекса Франции квалифицирует сутенерство не только как непосредственное извлечение выгоды из занятия проституцией другими лицами. Пункт второй этой статьи прямо указывает: соучастником признается любое лицо, которое сознательно оказывает содействие, предоставляет финансовое укрытие или помогает скрывать средства, полученные от преступной деятельности заведения.

Морель повернулся к инспектору: — Адвокат Лоран переступил черту. Он перестал быть независимым советником правосудия. Он инструктирует фигурантку по методам конспира-

ции. Он финансирует ее семью деньгами, перемешанными с криминальными доходами клуба. И, что самое фатальное для него — он параллельно оформляет ордер на ее официальную юридическую защиту!

Бланшар подобрался, его усталые глаза блеснули профессиональным азартом: — Значит, мы берем и его? Когда штурмуем?

— Никакой спешки, Люк, — Морель медленно покачал головой, и на его лице проступила тонкая, беспощадная улыбка опытного шахматиста. — Если мы дернем Лорана сейчас, Совет коллегии поднимет шум о нарушении адвокатской тайны. Они заявят, что прослушка была незаконной, что адвокат просто оказывал гуманитарную помощь несчастной матери, и прокурор смажет обвинение. Мы поступим тоньше.

Комиссар вернулся к столу, взял красный карандаш и обвел в блокноте две даты: — Клуб «LÉcume» сейчас напуган вчерашней осадой, но жадность мадам Колетт возьмет свое. Через пару дней они снова откроют двери. Вы подготовите контрольную закупку. Запустите условного покупателя — агента «Грифа». Меченые купюры, микрокамера в ремне сумки. Берем Селин Моро с поличным прямо за стойкой, в момент передачи денег и вывода девушки в бокс.

— А Лоран? — спросил Бланшар.

— А Лоран сам придет в нашу ловушку, — холодно произнес Морель. — Узнав об аресте возлюбленной, он немедленно заявится в следственный изолятор в качестве ее официального защитника. Он будет требовать соблюдения ее прав, советовать ей молчать по пятьдесят первой статье. И вот тогда, в кабинете допросов, я положу перед ним протокол расшифровки этих записей.

Морель постучал ногтем по бобине магнитофона: — На основании статьи об абсолютном конфликте интересов и признаках соучастия я отстраню мэтра Лорана от дела постановлением следователя. Мы выбьем у мадам Моро ее главную опору. Она останется в камере одна — без денег, без защитника, перед лицом семи лет тюрьмы и угрозы навсегда потерять детей. И тогда она заговорит. Она сдаст нам мадам Колетт, всю черную бухгалтерию побережья и подпишет всё, что потребуется прокуратуре.

Комиссар сложил стенограммы в картонную папку, накинул тесемки и завязал их тугим, аккуратным узлом.

— Продолжайте слушать линию «Манон» круглосуточно, Бланшар, — приказал Морель. — Каждое слово. Каждое сообщение. Пусть думают, что они спаслись. Ловушка должна захлопнуться бесшумно.

Инспектор коротко кивнул, взял папку под мышку и вышел из кабинета, оставив комиссара наедине с сизым табачным дымом и мерным гулом аппаратуры, продолжавшей оцифровывать чужую погибель.

Глава 6. По ту сторону зеркал

К вечеру следующего дня штормовой мистраль над Марселем сменился тяжелой, липкой моросью. С Лионского залива на город наполз плотный, пахнущий водорослями и мазутом туман, превративший узкие каменные ущелья квартала Панье в сырые лабиринты теней.

В полуподвале спа-клуба «LÉcume» этот туман не рассеивался — он оседал конденсатом на мертвенно-бирюзовой плитке коридоров. Заведение открылось после ночной осады с опозданием на два часа, и в воздухе стояло густое, нервное напряжение. Дезинфицирующий хлор из фильтров бассейна жег слизистую сильнее обычного: Бабетта, напуганная вчерашней темнотой и угрозой облавы, выплеснула в чашу двойную дозу едкого концентрата, пытаясь вытравить из цоколя запах страха.

Селин стояла в узком служебном проходе у зеркала в тяжелой бронзовой раме.

Ей было тридцать восемь, но сейчас мутное стекло возвращало ей лицо женщины, пережившей катастрофу. Темно-каштановые волосы были туго затянуты на затылке в безупречный, жесткий узел, но бледность кожи казалась почти восковой. Под серыми глазами залегли темные, свинцовые круги хронической бессонницы. Пульсирующая боль в правом указательном пальце, где свежий бинт закрывал сорванный под корень ноготь, отдавалась глухими толчками в плечо. Рубец от ожога кипятком на левом запястье зудел от сырости.

Селин достала из сумочки пластиковый блистер с кодеином, выдавила две таблетки и проглотила их всухомятку, чувствуя, как горький порошок оседает на корне языка.

За перегородкой хлопнула пластиковая дверь душевой. В коридор, не скрывая раздражения, вышла Инес.

Двадцатишестилетняя брюнетка, известная постоянным гостям под именем «Мия», была полной противоположностью тихой, испуганной Хлое. Спортивное, тренированное тело в обтягивающем черном кружевном боди, хищный разрез темных глаз и крупные татуировки в виде змеиных колец, спускающиеся по бедрам. В ней не было ни капли покорности или стыда — только холодный, циничный расчет хищницы, пришедшей урвать свое от ночного Марселя.

— Этот тулонский боров еще раз попробует распустить руки — я лично разобью ему графин о череп, Манон, — заявила Инес, прислонившись плечом к косяку и демонстративно рассматривая свежий синяк над щиколоткой. — Мое тело стоит дороже, чем его помятые пятидесятиевровые бумажки.

Селин медленно повернулась к ней. Ее взгляд был абсолютно сухим, серым и непроницаемым: — Твое тело здесь стоит ровно сто пятьдесят евро в час, Инес. Ни центом больше. Если тебя не устраивает тариф заведения — тяжелая дубовая дверь на улицу Сен-Пьер открыта в обе стороны.

Инес дерзко усмехнулась, обнажив ровные белые зубы. Медленным, вызывающим движением она вытащила из кармана махрового пояса дорогой флагманский смартфон в чехле со стразами. Крутанув его на пальце, она смахнула блокировку и повернула экран к лицу Селин: — Думаешь, я собираюсь горбатиться в этой хлорной дыре вечно? Посмотри сюда, администратор.

Селин невольно опустила глаза на светящийся дисплей.

На видеозаписи, сделанной через полуприкрытые жалюзи приватного бокса 1, в янтарном свете бра был отчетливо виден грузный мужчина с седеющими висками и золотыми запонками на манжетах брошенной на кресло рубашки.

Селин мгновенно узнала его: месье Ванденберг, один из ключевых судоходных маклеров Марсельского торгового порта, член регионального экономического совета и доверенное лицо мэрии по распределению причальных квот. Мужчина, чья респектабельная жизнь состояла из

вилл на холмах Рукас-Блан, фотохроник в светских журналах и благотворительных обедов. На видео он стоял на коленях перед диваном в совершенно непотребном виде.

— Разрешение четыре К, чистый стереозвук, — с ядовитым прищуром прошептала Инес, и ее тонкие губы искривились в торжествующей улыбке. — Если этот старый козел или его тулонские дружки еще хоть раз попробуют рявкнуть на меня или мадам Колетт решит урезать мою сдельщину — этот ролик не останется в памяти телефона. Я отправлю копию его святоше-жене в Экс-ан-Прованс. И еще одну — в прокуратуру порта. Ванденберг будет платить мне пожизненную пенсию, чтобы этот файл не всплыл во французском сегменте Сети.

Селин не шелохнулась, но воздух вокруг нее словно остыл на несколько градусов.

Быстрым, отработанным движением здоровой левой руки она перехватила запястье Инес с такой неожиданной силой, что девушка вскрикнула от боли, а смартфон едва не выскользнул на кафель. Селин приблизила свое лицо вплотную к лицу девицы; ее серые глаза потемнели, став похожими на два куска речного свинца.

— Ты круглая, несусветная дура, Инес, — проговорила Селин ледяным, металлическим шепотом, от которого по спине девушки пробежал настоящий холод. — Ты возомнила себя королевой шантажа? Ты думаешь, ты первая шлюха в этом городе, додумавшаяся включить камеру в приватном боксе?

Она сжала тонкие кости запястья еще сильнее, не обращая внимания на дергающую боль в собственном травмированном ногте: — У таких людей, как Ванденберг, адвокаты обедают с генеральным прокурором, а начальники портовой службы безопасности состоят в масонских ложах с шефами криминальной полиции. Если судоходный маклер поймет, что его держит на крючке девка из подвала на Сен-Пьер — тебя не станет спасать ни мадам Колетт, ни этот клуб. Твое тело просто выловят через три дня на волнорезах Северного рейда. Эксперт напишет: «несчастный случай, передозировка синтетическими опиатами, следов насилия не обнаружено». И ни один следователь во всей Франции не откроет дело.

Инес сглотнула слюну, ее показная спесь мгновенно испарилась, сменившись первобытным животным страхом. — Пусти... мне больно, Манон...

— Удали этот файл, — отчеканила Селин, отталкивая ее руку. — Сейчас же, при мне. Если я узнаю, что ты сохранила копию в облаке — я сама передам твой номер охране парковки, и до утра ты из этого квартала не выйдешь. А теперь пошла вон. В третий бокс. Месье Дюран ждет тебя уже десять минут. Без фокусов.

Инес торопливо закивала, стерла видео дрожащим пальцем и, не оглядываясь, почти побежала по коридору в сторону номеров.

Селин осталась одна. Она оперлась спиной о влажный кафель, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Этот подвал был пороховой бочкой. Пьяные клиенты, шантажирующие девицы, долговые векселя Колетт и невидимые полицейские засады снаружи. Стены клуба сужались с каждым днем.

В кармане завибрировал телефон.

Селин вздрогнула, ожидая очередного звонка Бернара с угрозами опеки, но на экране загорелось короткое, теплое имя: **Этьен**.

«Я вернулся в Марсель. Почти без сна, но Жюльен в безопасности. Мне нужно увидеть тебя. Мой «Пежо» на углу Сен-Пьер. Выходи на пять минут, родная».

Тяжелая свинцовая броня «Манон» осыпалась в прах за доли секунды.

Селин накинула бежевое пальто, проверила, закрыт ли засов служебного выхода, и выскользнула во внутренний двор.

На улице Сен-Пьер висела густая, соленая промозглая мгла. Мокрый асфальт блестел в свете редких фонарей, а дождь тихо шелестел по гранитным плитам.

В тени глухого забора автобазы урчал темно-синий «Пежо 406».

Селин рванула ручку двери и скользнула на пассажирское сиденье. Дверь захлопнулась, отсекая холодный город.

Внутри было тепло. Но первое, что бросилось ей в глаза — это лицо Этьена.

Тридцатиоднолетний адвокат был смертельно истощен. Восемнадцать часов за рулем сквозь метель по обледенелым магистралям, ночь в приемном покое и обратная дорога через всю Францию наложили на него тяжелый отпечаток. Белая рубашка помялась, ворот был расстегнут, галстук брошен на заднее сиденье, а в карих глазах под воспаленными веками стояла глубокая, сухая усталость. На пальцах виднелись следы въевшейся копоти от дорожного кофе и заправки.

Но стоило Селин сесть рядом, как его лицо озарилось живым, преображающим светом.

— Селин... — выдохнул он хриплым, сорванным голосом.

Она не смогла сдержаться. Подавшись вперед, Селин обняла его за шею, уткнувшись лицом в шерстяную ткань его пальто, пахнущую дождем, табаком и дальними дорогами. Слезы, которые она сдерживала перед Инес и клиентами, хлынули неудержимым потоком.

— Спасибо... Господи, Этьен, спасибо тебе... — шептала она, содрогаясь всем телом. — Ты спас его... Ты спас моего мальчика...

Этьен крепко, бережно прижал ее к себе. Его сильные руки гладили ее по вздрагивающей спине, укрывая от всех кошмаров мира.

— Тише, родная... тише, — ласково приговаривал он, целуя ее висок, ее растрепавшиеся волосы. — Все позади. Кризис купировали полностью. Врачи в «Сен-Матьё» сработали безупречно: сняли отек, ввели нейролептики, расслабили челюстной спазм. Жюльен открыл глаза на рассвете. Первое, что он спросил: «Где мама?» Я сказал ему, что мама скоро приедет, что ты любишь его больше жизни. Я оставил врачам деньги, оплатил отдельную палату интенсивной терапии на неделю вперед. С ним дежурит сиделка. Ему больше ничего не угрожает.

Селин подняла заплаканное лицо, вглядываясь в его родные, осунувшиеся черты: — А Бернар? Он звонил утром... кричал, угрожал ювенальной юстицией, судом... Он знает, что ты был там.

Этьен криво, жестко усмехнулся: — Бернар прибегал в клинику в девять утра. Пьяный, орал в холле, пытался качать права. Я вызвал частную охрану и дежурный наряд комиссариата Руана. Они зафиксировали состояние тяжелого алкогольного опьянения и составили протокол о нарушении общественного порядка. Этот протокол уже у меня в папке. Если он посмеет

заикнуться об опеке — этот документ ляжет на стол судьи первым. У него нет ни единого шанса, Селин. Он банкрот и дебошир.

Лоран достал из кармана пальто связку ключей на латунном кольце и вложил их в ладонь Селин.

— Держи, — тихо сказал он. — Это от квартиры на бульваре Лоншан. Я заехал к владельцу перед встречей с тобой и отдал задаток за первый месяц. Тысяча четыреста евро. Мансарда наша.

Селин смотрела на холодный металл ключей в своей руке, не веря глазам. — Этьен... но у тебя же не осталось денег... ты отдал весь гонорар врачам...

— Плевать на гонорары, — отрезал он с той упрямой, благородной страстью, которая покорила ее сердце. — На следующей неделе у меня три новых процесса по назначению. Я заработаю еще. Главное — ты заберешь мальчиков из Руана, и вы въедете в этот дом. Хватит с тебя этой преисподней, Селин. Никакой «Манон» больше нет.

Он потянулся к ней и коснулся губами ее губ — нежно, глубоко, с привкусом соленого марсельского дождя и бесконечной мужской преданности. Селин ответила на поцелуй, чувствуя, как внутри возрождается забытое право на счастье.

Но сквозь это счастье пробивалась острая материнская тревога. Она сжала его руку: — Этьен... я должна поехать в Руан сама.

Лоран нахмурился:

— Зачем? Ты истощена, на дорогах снег...

— Я должна обнять Жюльена, — твердо произнесла Селин, и в ее глазах блеснула материнская несокрушимость. — Я должна посмотреть в глаза Бернару и поставить точку. Забрать медицинские карты, вещи мальчиков и подготовить их переезд сюда. Если я не сделаю этого лично — он не отпустит их. Я возьму свою машину и поеду на север.

Этьен посмотрел на нее долгим, внимательным взглядом, понял, что спорить бесполезно, и тихо кивнул: — Хорошо. Но будь осторожна на трассе. Звони мне каждые три часа. Я буду ждать тебя здесь. На Лоншан.

Селин спрятала ключи в карман пальто, подарила ему последний поцелуй и вышла в ночь.

Она побежала обратно к служебной двери клуба, не замечая ничего вокруг.

А на противоположной стороне улицы Сен-Пьер, в пятидесяти метрах позади, в темном кузове серого фургона оперативно-технического отдела BRP тихо мигал зеленый диод.

Дежурный оператор снял наушники, повернулся к напарнику и хладнокровно продиктовал: — Зафиксирована передача ключей от конспиративного адреса на бульваре Лоншан. Объект Моро планирует выезд в Руан на личном автотранспорте. Лоран остается в Марселе. Передай оперативникам наружки ориентировку на трассу А7.

Глава 7. Дорога на Руан: Призраки прошлого

Марсель провожал ее промозглым, серым рассветом. С моря тянуло солью, прелыми водорослями и холодным мазутным чадом.

Селин выскользнула из служебной калитки особняка на улице Сен-Пьер, стараясь держаться глубокой тени платанов. На ней было то же легкое бежевое пальто, под которым пряталась темная шерстяная кофта, а в руке — небольшая спортивная сумка с парой сменных вещей и паспортом. Каждый шаг по мокрым базальтовым плитам отдавался тупой тяжестью в пояснице: сорок восемь часов без сна выжали ее досуха.

На углу переулка, за ржавым мусорным баком, стоял ее собственный автомобиль — десятилетний темно-серый «Рено Клио» с тусклыми от времени фарами и потертыми бамперами. Машина, купленная на первые сбережения от работы в подвале, выглядела чужой среди блестящих седанов марсельских буржуа, но ее старый дизельный мотор заводился в любую погоду.

Селин опустилась на водительское сиденье, пахнущее пыльной обивкой и сухим табаком. Когда замерзшие пальцы сжали холодный пластик рулевого колеса, правый указательный палец отозвался яростной, пульсирующей судорогой: пластырь на сорванном ногте натянулся, заставив ее прикусить губу до солоноватого привкуса крови. На сгибе левого запястья заныл ожог от котла.

Она вставила ключ в замок зажигания, но не успела повернуть его: телефон в кармане пальто тихо завибрировал.

На экране высветилось имя Этьена.

Селин нажала на кнопку приема, прижимая трубку к уху плечом: — Этьен?..

— Ты уже выехала, родная? — в его голосе сквозила глубокая, искренняя тревога. На заднем плане было слышно шуршание судебных бумаг: адвокат уже находился в своем кабинете. — Пожалуйста, будь предельно осторожна. Трасса на север обледенела после ночного шторма. Не гони. И главное: помни, что Бернар опасен именно сейчас, когда зажат в угол своими долгами. Не вступай с ним в открытые перепалки. У него нет законных прав на шантаж. Если он посмеет сделать шаг в сторону агрессии — немедленно набирай меня.

— Я помню, Этьен, — тихо ответила Селин, глядя на темные очертания портовых кранов в зеркале заднего вида. — Но я должна увидеть Жюльена сама. Я должна обнять его.

— Я знаю. Позвони мне, как только пересечешь Лион. Мы вытащим детей, Селин. Я уже запросил у коллег выписки из реестра ювенальной юстиции департамента Приморская Сена. Мы сокрушим его законными методами. Я люблю тебя.

— И я тебя... — шепнула она и опустила трубку.

Двигатель «Рено» завелся с глухим, надсадным рокотом, передавая мелкую вибрацию через продавленный поролон сиденья прямо в позвоночник. Селин включила ближний свет, выжала сцепление и плавно вырулила на пустую утреннюю набережную.

Ей предстоял путь в тысячу километров через всю Францию — от бушующего соленого юга к ледяным, туманным равнинам Нормандии.

Автострада А7 — легендарная «Автострада Солнца» — разворачивалась перед капотом мокрой, черной асфальтовой лентой.

Но солнца не было. По мере того как Марсель оставался позади, а дорога уходила вглубь материка, средиземноморский озон и соль сменялись плотной, свинцовой мглой долины Роны. Колючий дождь хлестал по лобовому стеклу, стеклоочистители метались с монотонным, гипнотическим скрипом. Редкие встречные многотонные фуры вылетали из пелены тумана, обдавая капот «Рено» веерами мутной жижи и заставляя старый автомобиль вздрагивать от воздушных ударов.

В салоне заработала печка. Из дефлекторов потянуло сухим жаром, перемешанным с запахом горячего моторного масла и старой пыли.

Этот специфический, въедливый запах внезапно сработал как спусковой крючок памяти. Он перенес Селин на семь лет назад, в сырое предместье Руана, в полутемную мастерскую у железнодорожной насыпи.

Память выхватывала картины прошлого с жестокой, почти физической четкостью.

Она вспомнила, как начинался их семейный ад. Бернар не всегда был законченным чудовищем. В первые годы брака он казался надежным, коренастым нормандским ремесленником с золотыми руками, способным перебрать любой сломанный двигатель за считанные часы. Они мечтали расширить гараж, купить второй коммерческий подъемник, построить мансарду для мальчиков...

Крах подкрался незаметно. Первые финансовые провалы совпали с открытием крупного дилерского автоцентра на окружной дороге. Клиенты ушли туда, где давали гарантию и кофе в клиентской зоне. Вместо того чтобы перестроиться, Бернар набрал краткосрочных кредитов у сомнительных частных кредиторов, вложился в партию битых микроавтобусов из Бельгии и прогорел.

И тогда в их доме поселился анисовый пастис.

Селин помнила, как этот желтоватый, пахнущий аптечным укропом напиток постепенно вытеснил из Бернара все человеческое. Запах пастиса пропитал его куртку, его сальные волосы, обивку их старого дивана. Пьяные провалы сменялись приступами черной, глухой ярости. Под верстаком в мастерской звенели пустые бутылки.

Затем пришли желтые казенные конверты с гербовыми печатями судебных исполнителей — *huissiers de justice*. Уведомления об аресте счетов, описи оборудования, угрозы изъятия самого жилья. Бернар глушил страх новой выпивкой, а когда кредиторы прижимали к стенке — срывался на жене и детях.

Селин вспомнила ту страшную ночь два года назад. Зима, мокрый снег за окном кухни. Маленький Пьер плачет от боли в искривленном суставе, Жюльен в углу судорожно зажимает уши, а пьяный Бернар швыряет об стену пустую кастрюлю, требуя найти деньги на уплату очередного штрафа. В холодильнике не было даже пакета молока.

Именно тогда она приняла безумное, отчаянное решение: уехать на заработки в Марсель. Ей обещали место горничной в курортном отеле. Она клялась себе и детям, что это временно — на полгода, чтобы закрыть первоочередные долги и купить Пьеру ортопедическую обувь.

Но безжалостный портовый город перемолол наивную провинциалку в первую же неделю. Отель оказался банкротом, денег не заплатили, обратный билет стоил неподъемно. Голодная, брошенная на произвол судьбы в чужом квартале, она шаг за шагом спускалась по лестнице компромиссов, пока не оказалась на улице Сен-Пьер. В подвале «LÉcume».

Там нормандская домохозяйка Селин умерла. Там родилась Манон — цербер с ледяным взглядом, умеющий хладнокровно считать пачки евро, спасать фальшивые фасады буржуа и осаждать дебоширов.

Контраст двух ее жизней резал душу по живому. Прошлое пахло сырой яблоней под окном руанской спальни, мокрым мхом, речным илом Сены и свежей выпечкой. Настоящее — едким дезинфицирующим хлором, поролоном диванов в приватных боксах и остывшим черным кофе.

«Я вернулась, — прошептала Селин, глядя на проносящиеся за стеклом дорожные указатели на Осер и Париж. — Но я вернулась другой. Ты больше не сломаешь меня, Бернар».

К трем часам пополудни «Рено» въехал в предместья Руана.

Нормандия встретила ее своей вечной, пронизывающей до костей сыростью. Небо висело над городом низким серым полотном, мелкий, похожий на водяную пыль дождь оседал на ветровом стекле. Пахло прелыми листьями, ржавым железом и застоявшейся речной водой.

Селин оставила машину на дальней парковке у супермаркета и пешком направилась к старому скверу на окраине рабочего квартала — месту, о котором они условились в коротком утреннем сообщении с Жюльеном.

Сквер тонул в белесом тумане. Мокрые черные стволы вековых лип казались скелетами.

Из туманной пелены у полуразрушенной каменной ротонды показался силуэт.

Селин замерла, прижав руку к губам. Горло сдавило сладкой и горькой судорогой.

Жюльен.

Ее старший сын за эти полгода вытянулся почти на голову, но в его фигуре не было подростковой силы. Худые плечи были сутуло сведены вперед, тонкая шея тонула в застиранном шарфе, а старая темно-синяя куртка промокла насквозь на лопатках. Он шел неловко, пряча руки в карманы.

— Жюльен!.. — вырвалось из ее груди.

Мальчик вскинул голову. На его мертвенно-бледном лице отразилось такое детское, невыносимое счастье, смешанное с ужасом, что Селин бросилась к нему бегом по мокрому гравию аллеи.

Она упала перед ним на колени прямо в сырую траву, обхватив руками его худые бедра, прижавшись лицом к мокрой ткани его куртки: — Сыночек... родной мой... Жюльен...

— Мама... мамочка... — мальчик опустился рядом с ней, судорожно обвив ее шею руками. Он дрожал всем телом, как осиновый лист.

Селин отстранилась на секунду, жадно вглядываясь в черты его лица, и ее сердце разорвалось от материнской боли. Под его серыми глазами залегли темные круги, правое веко мелко подрагивало от застарелого нервного тика, а возле губ застыли следы недавнего медицинского вмешательства. Нижняя челюсть мальчика все еще чуть заметно подрагивала — эхо ночного спастического приступа, когда судорогой свело все лицевые нервы.

— Как ты, милый? — она гладила его мокрые темные волосы, целовала холодные щеки. — Болит? Дышать тяжело?

— Сейчас лучше, мама... — заикаясь, прерывистым шепотом заговорил Жюльен, косясь на аллею, словно боясь, что из тумана выскочит отец. — Тот доктор... месье Лоран... он приехал ночью. Он был такой сильный, спокойный. Он держал меня за руку, когда мне ставили капельницу... Мама, я так боялся, что задохнусь. Я думал, челюсть треснет...

— Все позади, слышишь? — Селин прижала его голову к своей груди. — Все позади. Этьен спас тебя.

Жюльен судорожно всхлипнул, цепляясь за лацканы ее бежевого пальто: — Отец... он совсем сошел с ума, мама. Он пьет каждый день. Вчера разбил телевизор, кричал, что ты бросила нас ради марсельских богачей, что ты шлюха... Он орал на соседей, угрожал, что сдаст нас с Пьером в приют, если ты не пришлешь деньги за его прицеп... А Пьеру совсем плохо. Доктор в диспансере сказал: сустав уходит в сторону. Если до конца месяца не надеть ортопедические ботинки на жесткой байке — он будет хромать всю жизнь! Они стоят двести сорок евро, мама... Отец забрал те деньги, что ты перевела на прошлой неделе, и пропил их в баре на вокзале!

Двести сорок евро. Стоимость одного часа в приватном боксе с шампанским.

Селин зажмурилась, чувствуя, как внутри закипает ледяная, бескомпромиссная решимость.

Она достала из кармана сумки плотный конверт, куда накануне убрала часть своих скрытых сбережений. Триста евро наличными. Вложила их во внутренний карман куртки Жюльена и застегнула молнию: — Слушай меня очень внимательно, Жюльен. Эти деньги отцу не показывать. Спрячешь в подкладку портфеля. Завтра после уроков зайдешь к мадам Марго, соседке. Она поедет с вами в ортопедический салон и лично купит Пьеру ботинки. Ты понял меня?

Мальчик серьезно, по-взрослому кивнул: — Понял, мама. А ты? Ты заберешь нас?

— Заберу, — твердо, глядя ему прямо в глаза, произнесла Селин. — Я нашла нам дом. В Марселе. На бульваре Лоншан. Огромные окна, лепнина на потолке, светлая комната для тебя — ты будешь рисовать свои эскизы в тишине. И никто больше не посмеет кричать на вас. Мы покончим с этим, Жюльен. Осталось совсем немного.

Она обняла сына в последний раз, поцеловала в лоб и заставила уйти через дворы к дому Марго.

Проводив взглядом его удаляющуюся сутулую спину, Селин поднялась с колен, отряхнула мокрую траву с пальто и направилась к мастерской Бернара.

Час расплаты настал.

Авторемонтная мастерская «Лефевр и сыновья» на окраине Руана выглядела памятником разорению.

Покосившиеся жестяные ворота были заляпаны бурыми потеками ржавчины. Во дворе среди грязных луж стояли остовы трех разбитых фургонов без колес. На массивном двухосном коммерческом прицепе — том самом, из-за которого разгорелась война — белела прибитая к борту пластиковая пломба с красной печатью судебного пристава-исполнителя: *«Saisie conservatoire»*— арестовано за долги.

Внутри помещения стоял полумрак, освещаемый лишь одинокой тусклой лампочкой на длинном шнуре.

Воздух был спертым, тяжелым: удушливая смесь бензина, отработанного минерального масла, сырого бетона, застарелого дешевого табака и едкого перегара анисового пастиса. На полу валялись промасленные тряпки, пустые картонные коробки и батарея бутылок из-под аперитива.

Бернар сидел на деревянном ящике у верстака, не вынимая из зубов дымящейся сигареты без фильтра.

Ему было сорок два, но выглядел он на все пятьдесят пять. Одутловатое, багровое от постоянного пьянства лицо со следами небритой сальной щетины, глубокие складки вокруг брезгливого рта, потухшие, налитые кровью глаза. На нем была засаленная кожаная куртка с оторванным карманом и треники, вытянутые на коленях.

Услышав скрип входной двери, он медленно повернул голову. При виде Селин его оплывшее лицо исказилось злорадной, торжествующей ухмылкой.

— Надо же, явилась... — прохрипел он, сплюнув сигаретный окурок на бетон прямо к ее ногам. — Святая мадонна из марсельских борделей соблаговолила навестить грешную землю.

Селин остановилась в трех шагах от него. Руки ее были глубоко спрятаны в карманы пальто, спина оставалась идеально прямой.

— Где документы на детей, Бернар? — ровно, без единой эмоции спросила она.

Бернар тяжело поднялся с ящика, пошатнувшись на неверных ногах. Он сделал шаг вперед, обдав ее удушливой волной анисового перегара и табачной гари: — Документы?! Ты приехала за документами?! А деньги где, сука?! Где мои четыре тысячи пятьсот евро?! Приставы дали мне срок до полудня! Они заберут прицеп, они опишут остатки инструмента! На что я жить буду, тварь?!

Он подался вплотную, его багровое лицо оказалось в сантиметрах от лица Селин. Капли слюны летели изо рта: — Ты думала, я шутки шучу?! Твой любовник-адвокат швырял пачки евро в клинике! Две тысячи восемьсот евро за ночь! Значит, у тебя есть деньги! Доставай кошелек! Доставай, или я прямо сейчас иду в полицию и опеку! Я заявлю, что ты бросила сыновей, торгуешь своей задницей на юге, а сюда притащила своего сутенера! Я заберу Жюльена и Пьера через суд, сгною тебя в тюрьме, а выродков твоих отправлю в интернат для сирот! Ты меня слышишь, шлюха?!

На долю секунды старый, въевшийся на генетическом уровне страх перед насилием мужа сковал грудь Селин. Пальцы дрогнули, к горлу подступил ком унижения.

И именно в этот момент сработал физический триггер.

Этот пьяный визг, это зловонное дыхание в лицо, эти сальные пальцы, тянущиеся к ее воротнику...

Это было точь-в-точь то же самое, что она видела каждую ночь в «LÉcume». Пьяные тулонские скоты, распускающие руки во втором боксе. Осажденные похотью клиенты, скулящие перед женами.

Внутренний тумблер щелкнул с металлическим стуком.

Испуганная нормандская мать Селин мгновенно отступила вглубь. Ее место заняла Манон. Цербер марсельского ночного подполья. Женщина, которая умела одним словом ставить на колени самых опасных ублюдков побережья.

Селин медленно подняла голову. Ее плечи расправились. Серые глаза стали похожи на два куска отполированного, мертвого гранита. Взгляд был настолько сухим, беспощадным и ледяным, что Бернар невольно осекся на полуслове, поперхнувшись собственным криком.

— Попробуй, Бернар, — произнесла она.

Ее голос не дрогнул ни на герц. Он прозвучал тихо, но в нем звенела сталь гильотины: — Сделай хотя бы один шаг в сторону ювенального трибунала. Попробуй открыть свой поганый рот в органах опеки.

Она сделала полшага вперед, сокращая дистанцию, заставляя его отступить к верстаку: — Ты — опустившийся, конченый алкоголик и банкрот. Твое имущество арестовано за долги, на твоем прицепе висит пломба судебного пристава. У тебя нет работы, нет постоянного дохода, а в твоем доме нет даже корки хлеба. Но это еще не всё, Бернар.

Она чуть наклонила голову, глядя ему прямо в налитые кровью зрачки: — Сегодня утром, когда ты устроил пьяный дебош в холле частной клиники «Сен-Матьё», дежурный наряд комиссариата Руана составил на тебя протокол об административном правонарушении.

С фиксацией тяжелой степени алкогольного опьянения и попытки нападения на медицинский персонал. Этот протокол уже находится в производстве коллегии адвокатов Марселя.

Бернар побледнел, его нижняя челюсть отвисла: — Что?.. Какой протокол?..

— Официальный процессуальный документ, Бернар, — отчеканила она с безупречной жестокостью. — Если ты посмеешь подать хотя бы одно заявление судье по делам семьи — через сорок восемь часов против тебя будет возбуждено уголовное дело по статьям о систематическом вымогательстве, неисполнении родительских обязанностей и угрозе жизни несовершеннолетних. Мы лишим тебя родительских прав за одно судебное заседание. А судебные приставы опишут эту мастерскую до последнего ржавого гаечного ключа.

Она выдержала паузу, давая ледяному ужасу проникнуть в его затуманенный пастисом мозг: — Ты не получишь от меня ни одного евро. Ни сейчас. Ни завтра. Никогда. Если ты еще хоть раз приблизишься к Жюльену или Пьеру, если посмеешь набрать мой номер — ты сядешь в тюрьму Руана. Ты меня услышал, банкрот?

Бернар отшатнулся, ударившись поясницей о верстак. С верстака со звоном упал разводной ключ. В его глазах больше не было спеси домашнего тирана — в них плескался первобытный страх мелкого неудачника перед силой, которую он не мог сломать. Он увидел перед собой не покорную жену, которую можно было запугать криком, а опасного, холодного врага, прошедшего через ад.

Селин не стала ждать ответа.

Она развернулась на каблуках и твердым, размеренным шагом вышла из мастерской, с грохотом захлопнув за собой жестяную дверь.

Она села за руль «Рено» на пустой обочине сельской дороги среди серых нормандских полей.

Только сейчас, когда железная броня Манон спала, ее накрыл запоздалый физиологический откат. Руки мелко, судорожно затряслись на баранке руля, дыхание перехватило, сердце колотилось в горле. Боль в сорванном ногте вспыхнула с новой силой.

Селин уронила голову на руль, тяжело хватая ртом воздух. Но слез не было. Была лишь кристальная, беспощадная ясность.

Она достала телефон и набрала номер Этьена.

Тот снял трубку на первом же гудке: — Селин?! Ты где? Что произошло?

— Я поговорила с ним, Этьен, — ее голос звучал тихо, но твердо. — Бернар повержен. Он больше не посмеет тронуть мальчиков. Я отдала деньги на ботинки Пьеру. Дороги назад нет. Мы должны забрать их в Марсель.

Лоран выдохнул в трубку с огромным облегчением: — Умница моя. Невероятная женщина. Возвращайся. Я жду тебя на бульваре Лоншан. Ключи у меня в кармане, мы откроем наш новый дом вместе.

Селин нажала отбой, завела мотор и решительным движением вывернула руль.

Автомобиль развернулся на узкой дороге и взял курс обратно на юг. Назад в Марсель.

Глава 8. Свет на бульваре Лоншан

Тысяча километров обратного пути из промозглой Нормандии на юг вытянули из Селин последние физические силы.

Старый дизельный «Рено Клио» монотонно пожирал гудрон автострады А7 сквозь белесый туман долины Роны, пока серые нормандские равнины не сменились суровыми известняковыми грядами Прованса. Ноябрьский мистраль встретил ее на подступах к Марселю привычным шквальным воем. Ветер с моря гнал над крышами клочья разорванных дождевых облаков, швыряя в лобовое стекло соленую водяную пыль.

Селин въехала в город на рассвете, когда уличные фонари уже погасли, а мокрый базальт набережных отливал маслянистым свинцом. Руки на рулевом колесе не слушались: правый указательный палец с сорванным ногтем пульсировал глухой, ноющей болью, а в затылке тяжело ворочалась тупая мигрень. Но под этой изнуряющей телесной усталостью впервые за долгие месяцы не было парализующего ужаса. Лицо Бернара — побелевшее, опешившее от отпора, его отвисшая челюсть в полумраке мастерской — стояло перед глазами. Шантаж был сломлен. Триста евро переданы Жюльену на ортопедические ботинки для Пьера. Мосты в прошлое сгорели.

Оставив потрепанный «Рено» на дальней стоянке у автовокзала, Селин спустилась к монументальной каменной лестнице вокзала Сен-Шарль.

Внизу, в глубокой тени вековых платанов, мягко урчал темно-синий «Пежо 406».

Заметив знакомый силуэт в бежевом пальто, из автомобиля торопливо вышел мэтр Этьен Лоран. Он шагнул навстречу без лишней суеты, подхватил ее дорожную сумку и одним сильным, уверенным движением прижал Селин к своей груди, укрывая полой шерстяного пальто от ледяного порыва мистраля. От него пахло свежей сорочкой, сухим сукном, дорогим табаком и утренним эспрессо.

— Ты доехала, — выдохнул он ей в волосы, и в этом коротком звуке звенело такое чистое, глубокое облегчение, что у Селин перехватило дыхание. — Слава богу. Садись скорее в тепло.

В салоне «Пежо» гудела печка, наполняя пространство мягким, сухим жаром. На центральной консоли стоял картонный стаканчик с горячим кофе и крафтовый пакет из кондитерской у Старого порта, пахнущий миндальной глазурью калиссонов и свежим сливочным маслом. Этьен не стал расспрашивать ее о подробностях разговора в Руане. Он просто взял ее покалеченную правую руку, бережно согрел в своих ладонях и осторожно прикоснулся губами к забинтованному пальцу, давая ей возможность закрыть глаза и ощутить, как за плотными стеклами машины наконец затихает враждебный гул внешнего мира.

Автомобиль плавно тронулся, вливаясь в утренний поток. Этьен вел машину уверенно, но Селин сквозь полудрему отметила его профессиональную настороженность: на каждом перекрестке его взгляд регулярно возвращался к зеркалу заднего вида. На повороте к улице Шап он неожиданно притормозил, пропустил вперед тяжелый фургон и ушел в боковой переулок, разрывая дистанцию с серым седаном, следовавшим за ними от самого вокзала. Для Селин эти маневры казались лишь трогательной адвокатской въедливостью и заботой о ее безопасности.

Она не знала, что тремя машинами позади шел неприметный «Рено» наружного наблюдения Бригады по борьбе с сутенерством. Оперативники инспектора Бланшара продолжали методично фиксировать каждый поворот колес.

«Пежо» замер у массивного доходного дома конца XIX века на бульваре Лоншан.

Здание в классическом османском стиле внушало почтенное спокойствие: кованые решетки балконов, резные дубовые парадные двери и раскидистые кроны старых платанов, на ветвях которых еще держались пожелтевшие осенние листья.

Этьен заглушил мотор, достал из кармана тяжелую связку латунных ключей и повернулся к Селин: — Мы приехали. Пойдем.

Подъем по широкой винтовой лестнице с ажурными чугунными перилами казался восхождением из преисподней в совершенно иной мир. Здесь пахло старым камнем, воском для натирания ступеней и домашним уютом. Никаких следов едкого дезинфицирующего хлора, застоявшегося пара или табачного чада полуподвала на улице Сен-Пьер.

На верхнем этаже Этьен вставил ключ в массивный замок, дважды провернул механизм, и тяжелая дверь с мягким щелчком распахнулась внутрь.

— Проходи, хозяйка.

Селин переступила порог и замерла, боясь сделать вдох.

Перед ней открылась просторная мансардная квартира, залитая мягким, рассеянным утренним светом. Высокие, четырехметровые потолки украшала тонкая белоснежная гипсовая лепнина. Широкий дубовый паркет янтарного оттенка пах недавней уборкой, льняным маслом и сухой древесиной. Огромные французские окна от самого пола вели на узкий балкон, выходивший в тихий, закрытый со всех сторон внутренний сад.

Здесь царила оглушительная, целебная чистота.

В этом пространстве не было ни единого напоминания о спа-клубе «LÉcume», о черном сафьяновом гроссбухе, о пьяных тулонских клиентах и циничных распоряжениях мадам Колетт.

Селин медленно подошла к центральному окну и прислонилась лбом к прохладному стеклу. Внизу в саду колыхались кроны деревьев, а вдали виднелись светлые шпили марсельских церквей. Впервые за два года бесконечной грязи и ночного страха ее сердце забилось ровно и свободно.

— Вот здесь... у этого окна, где падает мягкий северный свет, мы поставим чертежный стол для Жюльена, — тихо, боясь разрушить хрупкую тишину, произнесла она. — Он часами рисует свои эскизы... Ему нужен покой, чтобы не дергалось веко. А в меньшей комнате разместится Пьер... Мы будем пить утренний кофе на этой кухне, Этьен. Без ночных звонков Бернара, без стука в подвальную дверь, без страха, что нас растопчут...

Этьен подошел сзади, бережно обнял ее за плечи и уткнулся подбородком в ее каштановые волосы.

— Задаток уже внесен, Селин. Тысяча четыреста евро в месяц — я подписал контракт на год. В подвал ты больше не вернешься. Никогда.

Он опустил руку в карман пиджака и извлек бархатный футляр. Латунная защелка щелкнула, обнажая тонкий золотой ободок с глубоким темно-синим сапфиром.

— Пятнадцатый размер. Как ты хотела. На следующей неделе мы заберем мальчиков из Руана. Мы не станем устраивать пышных торжеств в Марселе — оформим гражданский брак в тихой сельской мэрии в департаменте Вар, а потом обвенчаемся в маленькой горной часовне. Подальше от городских сплетников и косых взглядов. Ты веришь мне?

Селин повернулась к нему. Она смотрела на мерцающую синеву камня, на его открытое, влюбленное лицо, и внезапно холодная, безжалостная мысль пронзила ее сознание.

Она опустила глаза на проект договора аренды, лежавший на подоконнике, где рядом с подписью владельца стоял аккуратный автограф: Me Étienne Laurent, Avocat au Barreau de Marseille.

Вся чудовищная, роковая хрупкость происходящего открылась ей во всей полноте.

Селин медленно подняла глаза на Этьена. В ее взгляде не было сомнений в его чувствах — в нем плескался чистый, леденящий ужас за его судьбу.

— Этьен... а если они узнают? — прошептала она, и голос ее надломился. — Если кто-то свяжет твое имя с улицей Сен-Пьер? Если полиция или Совет коллегии узнают про «Манон»? Ты выходец из уважаемой семьи, адвокат с блестящим будущим... Для Совета адвокатов связь с администратором подпольного борделя — это не просто скандал. Это немедленное дисциплинарное производство, лишение мантии и пожизненный запрет на профессию! Тебя уничтожат вместе со мной!

Лоран нахмурился, в его карих глазах прорезалась упрямая, почти мальчишеская самоуверенность опытного судебного оратора: — Пусть попробуют. Я знаю уголовно-процессуальный закон лучше, чем все следователи комиссариата, вместе взятые. В законодательстве нет статьи, запрещающей адвокату любить женщину и снимать для нее жилье. Я защищу тебя, Селин. И от Бернара, и от мадам Колетт, и от любых проверок. Доверься мне.

Он привлек ее к себе и накрыл ее губы поцелуем — долгим, властным, полным страсти и иллюзии абсолютной безопасности. Селин растворилась в его объятиях, прижавшись к его плечу, зажмурившись под лучами пробившегося сквозь тучи ноябрьского солнца.

Они стояли посреди пустой, пахнущей воском мансарды, держась за руки, глядя на танцующие в лучах пылинки.

Срок иллюзий неумолимо истекал.

Реальность требовала немедленного возвращения в строй: чтобы не вызвать подозрений у мадам Колетт до окончания отчетного периода и забрать оставшуюся долю кассы, Селин должна была выйти на последнюю ночную смену в «LÉcume», а Этьену необходимо было успеть в канцелярию Дворца правосудия до закрытия приема документов.

Они спустились на бульвар Лоншан.

Тяжелая парадная дверь дома захлопнулась за их спинами с сухим, окончательным металлическим звоном. На ступеньках они замерли на мгновение, не разжимая переплетенных пальцев. Мистраль продолжал гонять по тротуару мокрые листья платанов.

А на противоположной стороне улицы, в салоне припаркованного в тени серого «Рено», бесшумно щелкнул тумблер спецаппаратуры.

Длиннофокусный объектив камеры наружного наблюдения методично зафиксировал прощальный поцелуй, связку латунных ключей в руке Селин и темно-синее пальто адвоката Марсельской коллегии.

Кадр за кадром ложился в цифровую память оперативно-технического комплекса, формируя железные доказательства для тома уголовного дела, которое комиссар Франсуа Морель готовился передать прокурору Республики.

Глава 9. Ловушка мадам Колетт

Запах вощеного паркета, осеннего ветра и чистой известки просторной мансарды на бульваре Лоншан выветрился в ту же секунду, когда тяжелая створка служебного входа заведения «LÉcume» захлопнулась за спиной Селин.

Каменный спуск встретил ее привычным, липким удушьем. Подвальный склеп на улице Сен-Пьер жил по своим неизменным законам: здесь не существовало смены времен года, дня и ночи. В нос ударил густой, въедливый коктейль из концентрированного эвкалиптового масла, перекипевшего мыльного пара, едкого хлорного порошка из фильтрационных насосов и застоявшегося запаха крепких сигарет «Gauloises», въевшегося в шершавый песчаник стен.

Связка латунных ключей от новой квартиры в кармане бежевого пальто казалась обжигающе тяжелой. Она была осязаемым напоминанием о том, что где-то наверху существует залитый светом мир, где на ветвях платанов колышутся золотые листья, где у окон пахнет свежим кофе, а Этьен держит ее за руку. Но чтобы вырваться в этот мир, Селин должна была отработать последние смены.

Ноги налились свинцом. Пульсирующая боль в правом указательном пальце, где свежий марлевый пластырь прикрывал сорванный накануне ноготь, отдавалась глухими вспышками в предплечье. Старый след от ожога на левом запястье зудел от сырости.

Селин вошла в администраторскую, сбросила пальто на вешалку и опустилась в кожаное кресло за стойкой из темного матового стекла.

Ночь перевалила за четыре часа утра. В клубе стояло непривычное, тревожное затишье. После недавней осады и полицейских машин на перекрестке клиентура вела себя осторожно: за ночь прошло всего два дежурных захода в дальние боксы, а пьяных тулонцев больше не появлялось. Из темного коридора доносился лишь монотонный, утробный гул чугунной водосточной трубы, принимавшей холодные стоки улицы Сен-Пьер, да шарканье тяжелых галош Бабетты, оттиравшей кафель у бассейна.

Селин открыла сафьяновый гроссбух, вписала последние расчетные строчки и достала список текущих хозяйственных нужд.

Смена подходила к концу, и перед утренним визитом мадам Колетт Жиро требовалось свести баланс по бытовой химии. Накануне поставщик из Марсельского торгового порта доставил четыре канистры едкого антисептика и концентрированную хлорную известь для очистных резервуаров, но счета за прошлую неделю куда-то задевались.

«Квитанции должны быть в нижнем сейфе», — подумала Селин, потирая ноющие виски.

Она опустилась на колени перед деревянной обшивкой стойки, отодвинула декоративную фальшпанель и вставила маленький плоский ключ в замочную скважину вмонтированного в стену стального сейфа.

Тяжелая металлическая дверца со скрипом подалась вперед.

Внутри пахло машинным маслом, сырой бумагой и пылью. Сейф использовался исключительно для служебной рутины: там хранились резервные кассовые ленты, запасные ключи от номеров, печати заведения и накладные на белье. Селин отодвинула в сторону стопку пожелтевших чеков прачечной и протянула руку в темную глубину нижней полки.

Ее пальцы наткнулись на плотный, увесистый предмет, которого здесь раньше не было.

Селин нахмурилась и вытащила находку на свет люминесцентной лампы.

Это была толстая архивная папка из грубого серого картона, перевязанная выцветшими хлопковыми тесемками. На ее обложке не было ни инвентарных номеров, ни коммерческих штампов.

Селин села на край кресла, положила папку на полированное стекло стойки и развязала узел.

Под картонным клапаном лежала ровная стопка документов на плотной гербовой бумаге. Первые же прочитанные строчки заставили сердце Селин пропустить удар. Воздух в легких мгновенно заледенел.

Это были не накладные на полотенца.

Перед ней лежали финансовые обязательства колоссального масштаба:

"Договоры долгосрочного лизинга и коммерческой аренды" дорогостоящего импортного гидромассажного оборудования, автоматических насосных станций и модульных парных на общую сумму свыше семидесяти тысяч евро, заключенные с фиктивной фирмой-однодневкой «Azur Thermo Services», зарегистрированной по фальшивому юридическому адресу в Лионе.

"Пакет простых векселей" (billets à ordre) — безусловных долговых обязательств перед частными ростовщическими кредитными структурами Марселя, срок погашения которых наступал через две недели.

"Генеральный договор субаренды нежилого подвального помещения" на улице Сен-Пьер, в котором арендатор брал на себя полную персональную ответственность за любую эксплуатационную, санитарную и административную деятельность на объекте.

Селин перевернула страницу дрожащими пальцами, не веря собственным глазам.

В графе «Le Débiteur / Le Preneur» — «Должник / Арендатор» — во всех договорах черным по белому значилось:

"Моро Селин Мари (Céline Marie Moreau), родившаяся 14 апреля 1985 года в г. Руан, департамент Приморская Сена. Паспорт серии 14-АВ 894120."

А внизу, в графе подписи, стоял ее личный, безупречный автограф.

Селин наклонилась к бумаге почти вплотную, вглядываясь в чернильные росчерки. Это было исполнено с дьявольской, ювелирной точностью: характерный наклон букв, легкий излом на хвостике заглавной «М», каллиграфическая точка в конце — подпись была скопирована так, что ни одна графологическая экспертиза не отличила бы ее от оригинала с первого взгляда.

Колетт Жиро использовала образцы подписей с тех самых бланков административной отчетности, которые Селин послушно визировала на протяжении двух лет.

Холодный, липкий ком тошноты подкатил к горлу. У Селин закружилась голова, стены подвального кабинета качнулись.

Анатомия капкана предстала перед ней во всей своей чудовищной, абсолютной наготе.

Мадам Колетт не просто грабила персонал, забирая львиную долю черного наличного дохода. Старая сутенерша сконструировала идеальный, неуязвимый для правосудия юридиче-

ский щит. Колетт Жиро официально не владела ни одним квадратным метром на улице Сен-Пьер. Ее имени не было ни в торговом реестре "Kbis", ни в договорах лизинга, ни в долговых расписках. Она была призраком, посторонней дамой, изредка заходящей в гости.

В случае полицейского штурма Бригады по борьбе с сутенерством (*BRP*) или финансового аудита префектуры перед законом представала только одна фигура.

Селин Моро.

По **статье 225-5 Уголовного кодекса Франции (Code pénal) за содержание притона, систематическое предоставление помещений для занятия проституцией, извлечение прямой материальной выгоды из эксплуатации чужого тела и умышленное сокрытие нелегальных доходов организатор подлежал немедленному аресту и лишению свободы на срок до семи лет со штрафом до ста пятидесяти тысяч евро.

Селин была классическим «зиц-председателем», живым расходным предохранителем (le fusible), принявшим на себя весь криминальный и финансовый груз заведения. В случае катастрофы Колетт просто садилась в свой роскошный автомобиль и растворялась в утреннем тумане, а Селин отправлялась в женскую тюрьму Бометт. Ее дети оставались без матери, а долги по фиктивным векселям висели бы на ней до конца дней.

— Боже мой... — выдохнула Селин в пустую тишину кабинета, сжимая виски ледяными ладонями. — Боже правый, что же я наделала...

Сухой, резкий металлический щелчок наружного замка дубовой двери разорвал тишину ровно в 05:55 утра.

Селин вздрогнула всем телом, судорожно сгребла гербовые листы обратно в серую картонную папку, затянула тесемки и оставила ее прямо на стекле стола. Прятать документы не имело смысла.

Шорох тяжелого норкового меха заполнил коридор. В кабинет легкой, властной походкой вошла мадам Колетт Жиро.

В свои пятьдесят восемь лет хозяйка выглядела воплощением безупречной буржуазной респектабельности Экс-ан-Прованса. Платиновое каре лежало идеально, на шее играл нежными переливами шелковый платок *Hermès*, а темное манто пахло холодным утренним воздухом, дорогой кожей и терпким парфюмом с нотами сухой гвоздики и жасмина.

Колетт даже не взглянула на Селин. Привычным, светским движением она стянула лайковые перчатки коньячного цвета, бросила их на край стойки и грациозно опустилась в глубокое кресло, расправляя мех.

— Доброе утро, Манон, — ровно произнесла она, щелкнув замком своего кожаного ридикюля. — Доставай кассу. В городе пробки, мне нужно успеть к нотариусу до десяти.

Селин не пошевелилась. Она сидела неподвижно, глядя хозяйке прямо в глаза своим мертвым, серым взглядом.

Пальцы ее здоровой руки лежали на сером картоне папки.

— Я нашла это в нижнем сейфе, мадам Колетт, — произнесла Селин. Ее голос звучал тихо, без крика, но в нем стоял леденящий, вибрирующий холод.

Колетт перевела взгляд на папку. Ни один мускул на ее подтянутом, гладком лице не дрогнул. Глаза сытой рептилии не выразили ни испуга, ни замешательства — лишь легкую, скучающую тень досады.

— Ах, это... — Колетт небрежно поправила узел платка на шее. — Тебе не следовало совать нос в хозяйственные архивы, милочка. Меньше знаешь — крепче спишь перед ночными сменами.

— Здесь векселя на восемьдесят тысяч евро, — Селин подалась вперед, и в ее голосе прорезалась сдавленная ярость. — Лизинговые договоры на технику. Контракт субаренды на мое настоящее имя. И моя поддельная подпись. Вы превратили меня в мишень. В случае полицейского рейда по статье двести двадцать пять дробь пять сяду я одна. На долгие годы.

Колетт оперлась локтями о стеклянную столешницу. На ее сухих, узловатых пальцах тускло блеснули перстни с массивными топазами. Она наклонилась чуть ближе, и Селин обдало тяжелым, удушливым шлейфом ее духов.

— А ты на что рассчитывала, Селин? — хозяйка впервые за долгое время произнесла ее настоящее имя с мягкой, уничтожающей усмешкой. — Что я наняла провинциальную разведенку из Руана, чтобы делить с ней славу и риски? Ты думала, мы здесь в благотворительность играем?

Колетт чуть прищурила маленькие серые глаза:

— Я создала это заведение. Я вложила деньги в гранит, в джакузи, в прикорм чиновников префектуры и ночной охраны портовой парковки. Я плачу тебе щедрый процент, из которого ты кормишь своих детей и покрываешь долги своего никчемного мужа-алкоголика. Ты получаешь деньги за то, что являешься лицом и стеной этого клуба. А стена обязана принимать на себя удары. Каждому в этой жизни отведена своя цена и своя роль.

— Вы подделали мою подпись... — прошептала Селин, сжимая кулаки до побеления в суставах. — Это уголовное преступление. Я могу пойти к прокурору...

Колетт тихо, сухо рассмеялась — звуком, похожим на шорох сухих листьев:

— К прокурору? Ты серьезно, дорогая? И что ты ему скажешь? «Господин прокурор, я два года управляю подпольным борделем на Сен-Пьер, беру по двести пятьдесят евро в час за плотские утехи тулонских буржуа, а теперь обиделась на хозяйку»? Да тебя арестуют в ту же секунду прямо в приемной Дворца правосудия!

Она сделала паузу, давая ледяному цинизму слов проникнуть в душу Селин, затем добавила с жестокой деловитостью:

— Подумай о своих сыновьях, Селин. О Жюльене и маленьком Пьере. Ты ведь хочешь, чтобы они жили нормальной жизнью в Нормандии? Твой бывший муж... как его, Бернар? Он ведь только и ждет повода, чтобы побежать в ювенальную опеку и заявить, что их мать — уголовница. Ты хочешь, чтобы мальчиков прямо из школы забрали в казенный распределитель для сирот?

Селин замерла, парализованная этой бессердечной, выверенной логикой. Земля уходила из-под ног.

— Вот именно, — Колетт удовлетворенно кивнула, открыла ридикюль и достала пачку банкнот, аккуратно отсчитывая свою долю за ночь. — Не делай глупостей, Манон. В районе улицы Сен-Пьер в последние дни снова активизировались оперативники судебной полиции и BRP. Если возникнут проблемы с властями — ты знаешь протокол: двери на засов, свет тушить, гроссбух в тайник сауны. Ты здесь главный администратор. Ты отвечаешь за всё. Помни главное правило Марселя: каждый выкручивается сам.

Металлический замок ридикюля защелкнулся с сухим, окончательным щелчком.

Колетт натянула лайковые перчатки, поднялась с кресла и, не оборачиваясь, вышла из администраторской.

Тяжелая дубовая дверь захлопнулась. На улице послышался приглушенный рокот удаляющегося двигателя ее автомобиля.

Селин осталась одна.

В подвале стояла оглушительная, мертвая тишина. На столе перед ней лежали серые картонные листы с фальшивыми подписями, а в кармане пальто холодили ладонь ключи от квартиры на бульваре Лоншан.

Кольцо сжалось до предела:

С одной стороны — сфабрикованные долги на восемьдесят тысяч евро и статья 225-5 УК Франции, превращавшие ее в неизбежную жертву для тюрьмы.

С другой — Бернар, караулящий каждый ее шаг и угрожающий забрать сыновей через ювенальную юстицию.

С третьей — невидимое присутствие оперативников BRP, дежурящих на углах переулка.

Внезапно в кармане пальто тихо звякнул телефон.

Селин вздрогнула, достала аппарат и коснулась экрана. Входящее сообщение от контакта "Этьен":

«Я жду тебя на углу Сен-Пьер. Мой темно-синий «Пежо» припаркован у старой автобазы. Я все подготовил, Селин. Мы уезжаем. В мансарде на Лоншан уже протопили комнаты, там светло и пахнет деревом. И у меня в кармане то самое кольцо с сапфиром 15-го размера. Хватит с тебя этого ада. Выходи, я согрею тебя».

Горячая, отчаянная волна надежды захлестнула Селин, выжигая остатки оцепенения.

Дрожащими пальцами она схватила со стола серую картонную папку с векселями, сунула ее в кожаную сумку, набросила бежевое пальто и, не оглядываясь по сторонам, бросилась к служебному выходу.

Она выбежала на промозглую, заливаемую дождем улицу Сен-Пьер. Ледяной порыв мистраля ударил в лицо, но Селин не чувствовала холода. В пятидесяти метрах впереди, у границы автобазы, мягко урчал мотор темно-синего «Пежо 406». Прижимая сумку к груди, Селин побежала к машине, чувствуя, как сердце колотится от иллюзии близкого спасения.

Она не видела, что на противоположной стороне улицы, в глубокой тени заброшенного кирпичного забора, стоял неприметный серый фургон наружного наблюдения.

Сквозь запотевшее стекло длиннофокусный объектив камеры бесстрастно фиксировал каждый ее шаг. Внутри фургона тихо щелкнул тумблер радиоперехвата "écoutes judiciaires", а дежурный офицер Бригады по борьбе с сутенерством сухим, казенным почерком занес в оперативный журнал:

«06:14. Объект Моро С. покинула заведение с объемной сумкой, направляется к транспортному средству марки "Peugeot 406", госномер 742-BXR-13. Ловушка готова к реализации».

Капкан окончательно захлопнулся.

Глава 10. Глаз закона

Холодные сумерки опускались на Старый порт Марселя тяжелым, сырым саваном.

За высокими арочными окнами кабинета 328 на третьем этаже Дворца правосудия — *Palais de Justice*— город растворялся в свинцовой пелене. Дождь с монотонной настойчивостью барабанил по жестяным карнизам, а со стороны набережной сквозь завывание промозглого ветра изредка доносился глухой, предупреждающий рев корабельных туманных горнов. Внизу, на мокром асфальте площади Монтьон, дробились маслянистые отражения редких уличных фонарей.

Внутри кабинета царила сухая, строгая тишина полицейского ведомства, где человеческие трагедии препарировались с бесстрастием патологоанатомов.

Воздух в комнате был плотным, тяжелым, намертво пропитанным едким дымом дешевых крепких сигарет «Gauloises», застоявшейся горечью переваренного в турке черного кофе и въедливой пылью ведомственных архивов. Пространство не знало уюта: массивный дубовый стол времен Третьей республики был погребен под стопками картонных папок с алыми штампами *«Police Judiciaire»*, протоколами допросов, экспертными заключениями и прозрачными пластиковыми конвертами с опечатанными оптическими дисками. Единственным теплым пятном в полумраке оставалась старая настольная лампа под зеленым стеклянным абажуром, отбрасывавшая глубокие, резкие тени на потертый темный паркет.

За столом сидел комиссар Франсуа Морель.

Ему было сорок шесть лет. Высокий, сухощавый, с выразительным аскетичным профилем и коротко стриженными седеющими волосами, Морель производил впечатление человека, начисто лишенного иллюзий. Двадцать лет службы в криминальной полиции и отделах нравов выжгли из него любые сантименты, оставив взамен холодную, почти шахматную въедливость. Его строгий графитовый костюм сидел безупречно, воротник белой сорочки был расстегнут на одну пуговицу, а указательный и средний пальцы правой руки намертво пожелтели от никотина. Серые глаза под нависшими густыми бровями обладали тем цепким, неподвижным взглядом, который заставлял матерых рецидивистов сбиваться на первых минутах допроса.

Напротив комиссара, прислонившись широким плечом к металлическому сейфу, стоял инспектор Люк Бланшар — тридцатичетырехлетний оперативник Бригады по борьбе с сутенерством (*BRP*).

Бланшар был полной противоположностью своему шефу. Оперативник «с земли», привыкший проводить бессонные ночи в мокрых засадах, он носил темную спортивную куртку поверх поношенного свитера грубой вязки, армейские ботинки с остатками марсельской грязи и трехдневную щетину. Его красные от хронического недосыпа глаза следили за вращением бобин магнитофона на столе.

Щелкнул тумблер швейцарского аудиорегистратора марки «Nagra».

Прозрачные катушки начали мерно вращаться, с тихим шорохом протягивая ленту сквозь считывающую головку. Из контрольного динамика, перебиваемый фоновым треском радиоперехвата оперативно-технического комплекса *écoutes judiciaires*, полился глухой звук телефонного соединения.

Морель склонился к магнитофону, придерживая сигарету сухими губами и сверяя звук с отпечатанными строчками машинописной стенограммы.

ФОНОГРАММА 104/BRP

Дата записи: 14 ноября, 01:40.

Входящий вызов на объект «Манон» (+33 4 91 XX XX 89).

Абонент: Оливье Дюбуа (аудитор страховой группы, Экс-ан-Прованс).

[Из динамика]:

Дюбуа: «...Катастрофа, Манон! Моя жена проверила мобильный банк... ночное списание на четыреста пятьдесят евро! Она нашла номер Инес! Дома ад, развод, адвокаты! Спасите меня... Назовите любую сумму!»

Селин Моро: «Месье Дюбуа, успокойтесь. Если ваша мадам перезвонит, я скажу, что «LÉcume» — это семейный термальный клуб с минеральной водой на бульваре Гарибальди, а четыреста пятьдесят евро — залог за разбитый столик. Но если вы еще раз наберете мой номер среди ночи — я лично перешлю мадам Клер детализацию услуг Инес. Больше сюда не звоните».

Морель нажал паузу. Перочинным ножом с костяной ручкой он аккуратно зачистил кончик графитового карандаша и сделал пометку на полях протокола:

— Вы слышите эту интонацию, Бланшар? — негромко произнес комиссар, не поднимая глаз. — Ни тени паники. Ни малейшей запинки. Женщина мгновенно конструирует процессуальную легенду для прикрытия состоятельного клиента. Финансовый аудитор выведен из-под удара, заведение сохранило конфиденциальность, денежный поток защищен. Это повадки не растерянной провинциалки, а опытного, расчетливого администратора криминального бизнеса.

— Дальше интереснее, шеф, — хмуро бросил Бланшар, отхлебывая остывший кофе из пластикового стаканчика. — Включите декабрьский блок.

Морель щелкнул клавишей перемотки. Лента взвизгнула и снова пошла с нормальной скоростью.

Сквозь динамик в комнату ворвался пьяный, надсадный рев, заставивший даже повидавшего виды Бланшара поморщиться:

ФОНОГРАММА 212/BRP

Дата записи: 3 декабря, 02:15.

Входящий вызов на объект «Манон».

Абонент: Бернар Лефевр (Руан).

[Из динамика]:

Бернар: «...Приставы забирают мой прицеп за долги! Мне нужны четыре тысячи пятьсот евро! До полудня!.. Не найдешь — я иду в ювенальный суд и органы опеки! Я лишу тебя родительских прав на Жюльена и Пьера, а полиция узнает, в каких марсельских клоаках их мать продает свою шкуру!.. Завтра. До. Полудня!»

Селин Моро: «У меня нет таких денег, Бернар... Я отдала всё за аренду и лечение... Не трогай мальчиков, умоляю тебя...»

Пленка зашипела короткими гудками.

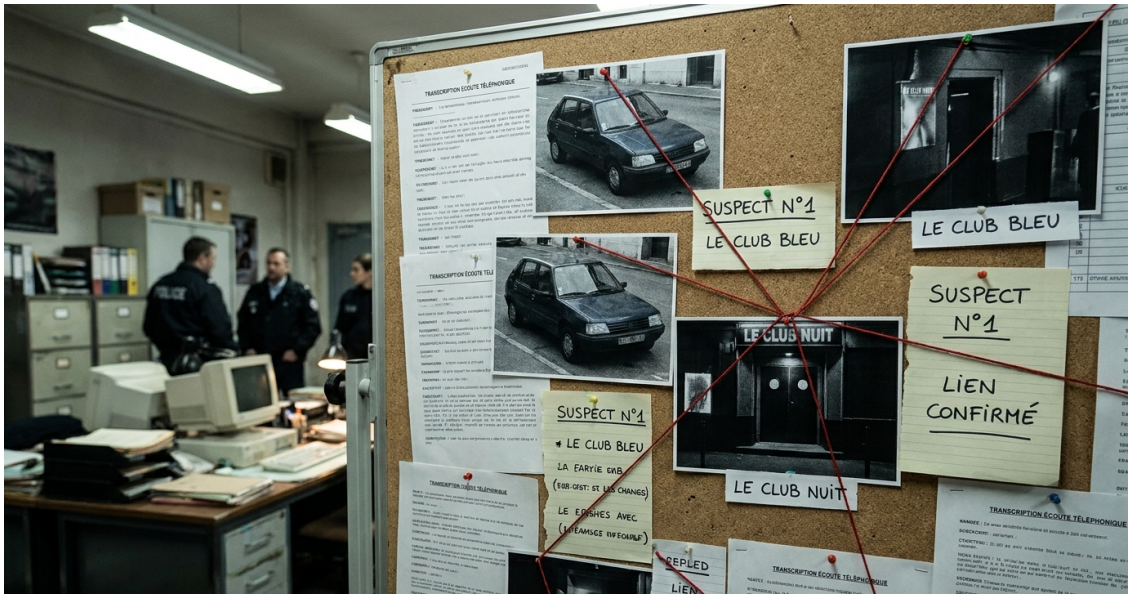
Комиссар Морель медленно выпустил длинную струю сизого дыма к зеленому плафону лампы.

— Вымогательство в чистом виде, — сухо констатировал он. — Муж — классический паразит, давящий на материнский инстинкт. Мадам Моро крутится в полуподвале на улице Сен-Пьер не ради норковых манто или роскошных яхт. Она оплачивает долги этого дегенерата и держит на плаву двоих несовершеннолетних сыновей. Драма, достойная бульварного романа.

— И ее можно было бы пожалеть, — заметил Бланшар, подходя ближе к столу.

— Можно было бы, — согласился Морель, и в его голосе проступила холодная сталь. — Если бы наш Уголовный кодекс содержал примечание о материнском сострадании. Но кодекс сух. А нас с вами, Люк, интересует не семейная драма Нормандии. Нас интересует третий фигурант, который так неловко влез в эту петлю.

Комиссар переключил тумблер на январь.

Звук изменился: исчезли истерика и крики, в динамике раздался глубокий, мягкий, бархатный мужской баритон, в котором звенела неподдельная нежность.

ФОНОГРАММА 305/BRP

Дата записи: 18 января, 03:10.

Исходящий вызов с объекта «Манон».

Абонент: Мэтр Этьен Лоран (адвокат коллегии Марселя).

[Из динамика]:

Лоран: «...Я только что из Апелляционного суда Экс-ан-Прованса. Забрал гонорар — две тысячи восемьсот евро наличными... Я купил горячий шоколад с корицей и калиссоны... Спустись в машину, любовь моя. Я поцелую твой забинтованный палец. Я нашел нам квартиру на бульваре Лоншан, мансарда за тысячу четыреста евро в месяц. Мы вырвем тебя из этого ада...»

Селин Моро: «Этьен, мне страшно... Забери меня...»

Морель нажал клавишу «Стоп».

Магнитофон умолк. В кабинете снова воцарилась тяжелая тишина, нарушаемая лишь редким потрескиванием остывающей лампы да стуком капель по стеклу.

Комиссар откинулся на спинку кресла и взял со стола плотную бежевую папку с тисненым золотым гербом Совета коллегии адвокатов Марселя (*Barreau de Marseille*). На развороте лежала фотография Этьена Лорана: открытый взгляд, волевой подбородок, безупречная репутация восходящей звезды марсельской адвокатуры.

— Мэтр Лоран совершил роковую ошибку, которую законники не прощают своим коллегам, — тихо произнес Морель, постукивая карандашом по фотографии. — Он позволил слепой страсти растоптать профессиональную этику. Возомнил себя благородным рыцарем, спасающим даму сердца из драконьей ямы. А на юридическом языке это выглядит совершенно иначе.

Комиссар открыл красную книгу Уголовного кодекса Франции (*Code pénal*):

— Статья 225-5. Пункт второй: соучастником сутенерства признается любое лицо, которое заведомо содействует сокрытию доходов, полученных от занятия проституцией, либо предоставляет финансовое и логистическое укрытие лицам, организующим притон.

Морель поднял глаза на Бланшара:

— Взгляните на материалы. Лоран лично инструктирует администратора борделя не держать наличные в подсобке. Он вносит две тысячи восемьсот евро собственного гонорара налич-

ными за клинику ее сына, смешивая свои средства с теневыми доходами заведения. Он подписывает контракт субаренды на конспиративную квартиру на бульваре Лоншан за четырнадцать сотен евро, чтобы спрятать фигурантку от нашего контроля. И при этом — дерзость высшей пробы! — он параллельно регистрирует в канцелярии ордер на оказание ей официальной юридической помощи!

Бланшар усмехнулся: — Налицо абсолютный процессуальный конфликт интересов. Адвокат является соучастником по тому же делу, по которому выступает защитником.

— Именно, — Морель захлопнул кодекс. — И это наше главное оружие. Мы не станем дергать мэтра Лорана прямо сейчас. Если мы предъявим ему претензии до штурма, Совет коллегии поднимет скандал о нарушении адвокатской тайны и давлении на защиту. Мы дадим ему войти в капкан своими ногами.

Комиссар поднялся из-за стола, подошел к стене и сдернул темную ткань с крупномасштабного планшета оперативной обстановки квартала Панье. На схеме красным маркером были выделены улица Сен-Пьер, особняк «LÉcume», проходные дворы и глухой забор автобазы.

Наступил момент перехода к финальной фазе разработки.

— Бригада нравов завершила подготовительный этап, — чеканя слова, заговорил Морель, и его голос обрел металлическую жесткость. — Операция получила официальное кодовое наименование «LÉcume». Прокурор Республики подписал постановление о проведении проверочной закупки и санкцию на безотлагательный обыск.

Бланшар подобрался, его усталые глаза загорелись азартом охотника: — Кто идет условным покупателем?

— Агент под легендой «Гриф» (*LAgent «Griffon»*), — Морель указал на перекресток у ворот. — Опытный сотрудник оперативно-поискового бюро. Образ: состоятельный, слегка потрепанный ночной жизнью турист из Лиона. Коричневая кожаная куртка свободного кроя, темный свитер, дорогой одеколон. Техники оперативно-технического отдела уже вмонтировали в плечевой шов его кожаной наплечной сумки микрообъектив цифрового видеорегистратора с прямой передачей сигнала на наш командный фургон.

Бланшар выложил на стол протокол предварительного осмотра и пометки денежных средств:

— Деньги подготовлены, комиссар. Базовый почасовой тариф заведения: двести пятьдесят евро. Пять купюр достоинством по пятьдесят евро. Серии и буквенные индексы банкнот внесены в процессуальный акт в присутствии двух понятых. Все купюры обработаны невидимым люминесцентным химическим порошком «Свет-4», который проявляется исключительно под ультрафиолетовым излучением детектора валют. При малейшем контакте порошок переходит на кожу пальцев.

Морель взял красную ручку и расчертил секторы оцепления:

— Схема штурма должна быть безупречной. Время операции — ночь на 26 января, ровно 02:00. За десять минут до захода «Грифа» вы выставляете скрытые посты. Неприметный серый фургон наружного наблюдения занимает позицию на углу Сен-Пьер у автобазы. Два сотрудника BRP в штатском блокируют пожарный выход через бельевой склад, чтобы исключить сброс кассы во внутренний колодец двора.

Комиссар повернулся к подчиненному, вперив в него тяжелый взгляд:

— «Гриф» стучит в дубовую дверь ровно в два ночи. Передает меченые двести пятьдесят евро лично в руки Селин Моро. Выбирает девушку — мы пустим его на гражданку Снежану Власову, известную как «Алиса». Как только дверь бокса 2 закрывается на защелку, «Гриф» подает кодовый радиосигнал через срез сумки.

— И мы выносим массив, — осклабился Бланшар.

— Гидравлическим клином, — отрезал Морель. — Быстро, жестко, без задержек на переговоры. Входная дверь слетает с петель до того, как Моро успеет дотянуться до тревожной кнопки или спрятать гроссбух. Фиксация поличного: меченые купюры в кассе, следы химического порошка на руках администратора, изъятие учетных книг и серверов видеонаблюдения.

Морель затушил окурок в хрустальной пепельнице, подошел к окну и взглянул на чернеющую воду марсельской гавани. Настенные часы в кабинете отмерили полночь.

— А дальше начнется второй акт, Люк, — негромко произнес комиссар. — Мадам Моро доставят в изолятор временного содержания. Узнав об аресте, мэтр Этьен Лоран бросится во Дворец правосудия, размахивая адвокатским удостоверением. Он посоветует ей молчать по статье о праве не свидетельствовать против себя. И вот тогда я приглашу его в этот кабинет.

На лице Мореля промелькнула холодная, хищная улыбка охотника, загнавшего зверя в капкан:

— Я положу перед Лораном протоколы расшифровок этих пленок. Вынесу постановление следователя об отстранении адвоката от защиты в связи с неустранимым конфликтом интересов и признаками соучастия по статье двести двадцать пять дробь пять. Мы выбьем у Селин Моро ее единственную опору. Она останется одна в бетонном боксе изолятора Бометт. Перед лицом семи лет тюрьмы и угрозы навсегда потерять своих сыновей. И тогда эта каменная «Манон» заговорит. Она сдаст нам мадам Колетт, всю теневую бухгалтерию побережья и подпишет всё, что нужно прокуратуре Республики.

Комиссар развернулся, собрал со стола рассекреченные стенограммы и с сухим щелчком защелкнул металлический замок архивного кейса.

Глава 11. Чемодан под кушеткой

Ночь с 25 на 26 января 2024 года выдавливала из Марселя последние остатки тепла.

Ледяной шквал, сорвавшийся с заснеженных предгорий Альп и пронесшийся над Лионским заливом, обрушился на побережье с яростной, сокрушающей силой. По узкому каменному желобу улицы Сен-Пьер мистраль гнал колючую ледяную крупу вперемешку с портовой моросью, с глухим стоном раскачивая редкие чугунные фонари квартала Панье. Вода струилась по черному, осклизлому базальту мостовой бурлящими ручьями, увлекая за собой соленый портовый сор, битое стекло и палую листву платанов. Старый город за плотно запертыми дубовыми ставнями казался вымершим склепом, где не горело ни единого окна.

Но здесь, за трехметровой кладкой векового гранитного фундамента, стихия вновь превращалась в слепое, утробное гудение.

В цокольном лабиринте спа-клуба «LÉcume» царило противоестественное, ватное безмолвие преддверия конца.

К двум часам ночи микроклимат подземелья сгустился до состояния липкой ядовитой взвеси. В узких коридорах, облицованных мертвенно-бирюзовым кафелем, тяжело висели горячие эвкалиптовые пары из сауны, въедливый, режущий глаза запах хлорной извести из очистных резервуаров бассейна, застоявшийся табачный дым и въевшийся в обивку диванов приторный шлейф восточного мускуса и пачули. Чугунная водосточная труба, уходившая сквозь потолок администрации в скальный монолит здания, непрерывно мелко дрожала, передавая в глубь комнат глухую вибрацию дождевых потоков с верхней улицы.

За стойкой из темного матового стекла сидела Селин Моро.

Физическое истощение достигло предела, за которым тело перестает повиноваться воле. Лицо Селин стало пугающе серым, восковым; под веками залегли глубокие свинцовые круги бессонницы, а в затылке пульсировала тупая, ослепляющая мигрень, словно кто-то забивал раскаленные гвозди в основание черепа. Правая рука, лежавшая на полированной столешнице, мелко дрожала: указательный палец, затянутый свежим бинтом поверх сорванного под корень ногтя, горел дергающей болью при каждом ударе сердца. На левом запястье багровел старый ожог от парового вентиля, стянутый холодом сквозняка.

Но телесная боль была ничем по сравнению с тем леденящим, беспощадным знанием, которое теперь выжигало ее сознание изнутри.

Перед ней лежал раскрытый сафьяновый гроссбух заведения с аккуратными чернильными столбиками ночной выручки. Рядом, под стопкой чистых полотенец, пряталась та самая серая архивная папка из нижнего сейфа.

Векселя на восемьдесят тысяч евро. Фиктивные договоры аренды оборудования компании «Azur Thermo Services». Контракт субаренды на имя Селин Моро с ее ювелирно подделанной подписью.

Анатомия капкана мадам Колетт Жиро стояла перед ее мысленным взором с кристальной четкостью.

У владелицы сети не было ни единого официального документа, связывающего ее с подвалом на улице Сен-Пьер. Ни в торговом реестре, ни в налоговой префектуре имя Жиро не фигурировало. Селин была единственным назначенным процессуальным щитом — живым предохранителем, принявшим на себя весь вес уголовного закона. По **статье 225-5 Уголовного кодекса Франции (*Code pénal*)** за предоставление помещений для проституции, извлечение выгоды из чужого разврата и ведение черной кассы на скамью подсудимых сядет только она. Ей грозило до семи лет тюрьмы в марсельском изоляторе Бометт.

А с севера, из Руана, ее непрерывно душила вторая петля: пьяный, налитый ядом бывший муж Бернар, готовый в любую минуту подать иск в ювенальный суд, предъявить опеке

материалы о «марсельском притоне» и навсегда забрать Жюльена и Пьера в сиротский распределитель.

«Они сотрут меня в порошок, — мысль прозвучала в тишине кабинета отчетливо и сухо, как щелчок взводимого курка. — Колетт исчезнет на рассвете. Полиция не станет разбираться. Судья посмотрит на эти векселя, на гроссбух, на адрес Сен-Пьер — и захлопнет дверь камеры. А Бернар заберет мальчиков. Они будут расти с мыслью, что их мать продавала чужие тела в портовом подвале».

Селин медленно поднялась из-за стола.

В ней больше не осталось страха — на его место пришла отчаянная, животная решимость загнанной волчицы, спасающей волчат. Времени не было. Ни одного лишнего часа. Нужно было бежать. Немедленно. Исчезнуть из клуба до утреннего прихода Колетт, до открытия судов, до того, как переулок накроет новая волна полицейских облав.

Она подошла к массивной двери кабинета администрации, повернула круглую латунную защелку и заперлась изнутри.

В подвале царила глухая предотпускная тишина. В третьем номере спал пьяный портовый маклер; Хлоя и Инес дремали на поролоновых диванах в комнате отдыха; в конце коридора Бабетта лениво полоскала тряпку в оцинкованном ведре.

Селин опустилась на колени на холодный кафельный пол у дальней стены, пахнущий дешевым мылом и хлорной известью.

Там, в глубокой темной нише под старой потертой кожаной кушеткой, где годами скапливалась сухая строительная пыль, лежал скрытый от посторонних глаз плоский дорожный чемодан из темно-коричневой прессованной кожи.

Селин протянула здоровую левую руку под свисающий край покрывала, нащупала холодную металлическую ручку и с глухим шуршанием выкатила чемодан на свет.

Пальцы ее действовали лихорадочно, но с пугающей механической четкостью.

Она откинула потертую крышку. На дне уже лежала стопка скромной гражданской одежды, не имеющей ничего общего с вызывающим гардеробом «Манон»: темно-синий шерстяной свитер грубой вязки, темные плотные джинсы, запасные шерстяные носки и пара удобных кожаных ботинок на плоской подошве.

Селин выдвинула потайной ящик сейфа под стойкой. Быстрыми движениями она сгребла в чемодан самое необходимое:

Плотный шелковый кошелек с личными сбережениями: три тысячи восемьсот пятьдесят евро наличными купюрами по пятьдесят, сто и двести евро — всё, что ей удалось утаить от поборов Колетт и переводов Бернару за последние тяжелые месяцы.

Ее подлинный гражданский паспорт Французской Республики на имя Селин Моро, выданный префектурой департамента Приморская Сена, свидетельства о рождении Жюльена и Пьера, медицинские полисы мальчиков и выписки из Руанской клиники.

Серую картонную папку с поддельными векселями и контрактами — единственное доказательство того, что истинной хозяйкой сети являлась Колетт Жиро.

Несколько блистеров кодеина и парацетамола от не стихающей мигрени.

И наконец — самое священное.

Селин достала из нагрудного кармана шелковой блузы плотный крафтовый конверт без надписей. Дрожащими пальцами бережно развернула его, коснувшись шершавых краев двух любительских фотокарточек.

С первого снимка на нее смотрел четырнадцатилетний Жюльен: бледный, с серьезными, не по-детски взрослыми серыми глазами матери, сжимающий в тонких пальцах угольный карандаш для черчения на фоне покосившегося забора руанского дома. Со второго улыбался маленький Пьер, сидевший на мокрой траве нормандского сквера, трогательно поджав больную ножку в старом ботинке.

Слезы обожгли веки Селин. Она прижала фотографии к губам, вдохнув далекий, чистый запах дома, яблони и нормандского дождя, а затем бережно уложила конверт в самый глубокий шелковый карман чемодана, накрыв его шерстяным шарфом.

Паника подступала к горлу ледяной волной.

Каждый звук запертого подвала заставлял ее вздрагивать всем телом.

Капля воды, с монотонным звоном сорвавшаяся из неисправного смесителя в раковину коридора. Тяжелый булькающий гул конденсата в чугунной трубе. Далекий, смазанный шорох швабры Бабетты за перегородкой.

Дыхание сбивалось, становилось коротким, рваным. На нижней губе выступила солоноватая капля крови: Селин до боли прикусила ее зубами, чтобы удержать рвущийся наружу всхлип. Холодный пот липнул к спине под тонкой шелковой тканью блузы. Пульсация в сорванном ногте отдавала в висок в такт бешеному, неровному ритму сердца. Руки мелко ходили ходуном, когда она лихорадочно затягивала внутренние кожаные ремни дорожной сумки и совмещала латунные язычки тяжелой молнии.

Чемодан был собран.

А снаружи, на залитой ледяным штормом улице Сен-Пьер и в прилегающих темных переулках квартала Панье, разворачивалась финальная, безупречно спланированная фаза полицейской операции.

В глухом тупике за кирпичной стеной автобазы, куда не доставал свет уличных фонарей, бесшумно замер неприметный серый фургон без маркировок.

Внутри тесного кузова стоял удушливый запах остывшего эспрессо, влажной шерсти армейских курток и нагретой радиоаппаратуры. На переднем сиденье инспектор Люк Бланшар, зябко поеживаясь от проникающего сквозь дверные щели холода, осторожно протирал замшевой тряпкой запотевшее стекло, не отрывая взгляда от дубовой двери «LÉcume».

В глубине фургона на штативе тихо жужжали сервоприводы: оператор технического управления судебной полиции в массивных наушниках контролировал индикаторы комплекса *écoutes judiciaires*. Фоновый шум магнитной ленты мерно шуршал, фиксируя последние секунды телефонного затишья. Прямую координацию из своего кабинета 328 во Дворце правосудия осуществлял комиссар Франсуа Морель: телефон правительственной связи на приборной панели фургона держал открытую линию.

Оперативное кольцо сомкнулось без единого шороха.

Два бойца Бригады по борьбе с сутенерством (*BRP*) в черных кевларовых жилетах и балаклавах заняли позиции у кованых ворот внутреннего двора, наглухо перекрыв путь к отходу через черную чугунную лестницу бельевого склада.

На углу переулка в тени вяза стоял легендированный закупщик — агент под псевдонимом «Гриф». В кармане его коричневой кожаной куртки лежал опечатанный конверт с пятью мечеными купюрами по пятьдесят евро, покрытыми невидимым порошком «Свет-4», а в плечевой шов наплечной сумки был вмонтирован микрообъектив цифрового регистратора. У входа в подвал, скрытая за каменным выступом арки, замерла штурмовая группа: двое оперативников удерживали наготове тяжелый гидравлический клин и автономный таран для выбивания бронированных запоров.

Капкан застыл на боевом взводе.

В полумраке администраторской Селин поднялась с колен.

Она сняла с вешалки свое светлое бежевое пальто, набросила его на плечи, сунула связку латунных ключей от мансарды на Лоншан в глубокий карман и перехватила кожаную ручку чемодана онемевшими пальцами правой руки.

Острая боль в сорванном ногте полоснула огнем, но Селин даже не поморщилась.

В ее сознании, словно последний маяк посреди бушующей ночи, вспыхнул образ Этьена Лорана.

Его темно-синий «Пежо 406», припаркованный у тихой набережной. Сухое тепло салона. Горячий шоколад с корицей, переданный его заботливыми руками. Миндальные калиссоны из ночной кондитерской у Старого порта. Тонкое золотое кольцо с глубоким синим сапфиром пятнадцатого размера в синем бархатном футляре.

И их общая мечта. Просторная светлая квартира на верхнем этаже бульвара Лоншан за тысячу четыреста евро в месяц. Высокие потолки с белоснежной лепниной, вощеный паркет, широкие окна в тихий сад, стол для черчения Жюльена и тихие утренние часы без ночных кошмаров.

Этьен ждал ее. Через двадцать минут она выйдет из этого подвала, дойдет до перекрестка, сядет в его автомобиль — и они уедут навсегда. Вырвутся из трясины. Заберут мальчиков из Руана.

Она сделала шаг к служебной двери, ведущей во внутренний двор.

Каждый шаг давался с трудом, чемодан казался налитым свинцом. Селин подошла к массивному дубовому полотну, подняла левую руку и коснулась пальцами прохладного металла бронзовой ручки служебного замка.

Она набрала полную грудь сырого, хлорного воздуха, готовясь повернуть защелку и шагнуть в спасительную темноту дождливой ночи.

И в этот самый миг.

Перекрывая монотонный вой штормового мистраля, шум хлещущего ливня и мерный гул вентиляционных насосов.

Снаружи, со стороны парадного входа спа-клуба «LÉcume», раздался оглушительный, чудовищный, сокрушительный удар гидравлического тарана в массивную дубовую дверь.

Звук разорвал тишину подвала подобно артиллерийскому выстрелу.

Бронзовая ручка в онемевшей ладони Селин задрожала мелкой металлической судорогой.

Тяжелый вековой дубовый массив парадного входа стонуще загудел, каменные своды фундамента отозвались протяжным скрежетом сминаемых петель, навсегда хороня иллюзию побега и подводя беспощадную, кровавую черту под существованием «Манон».

Глава 12. Ночной штурм

Оглушительный, чудовищный грохот гидравлического клина спрессовал воздух в подвале в единую ударную волну.

Звук не просто разорвал тишину — он физически ударил по барабанным перепонкам, отдавшись в зубах и костях. Вековой дубовый массив парадной двери «LÉcume», выдерживавший десятилетия марсельских штормов, с протяжным, стонущим треском вырвало из вековой гранитной коробки вместе с кусками крошащегося известняка и латунными анкерами. Вторая створка рухнула внутрь холла, подняв тучу известковой пыли.

В цоколь, привыкший к тяжелому, удушливому теплу эвкалипта и хлора, хлынул ледяной, яростный вихрь январской ночи. Запах мокрого асфальта, озона и бензиновой гари улицы Сен-Пьер мгновенно вытеснил въевшийся дух чужого пота и мыльной сырости.

А следом за вихрем полумрак разорвали слепящие, хаотично мечущиеся лучи тактических фонарей, смонтированных на оружии.

— *Police! Ne bougez pas! Police Judiciaire!*— рявкнули сразу несколько глоток, перекрывая гул вентиляционных насосов.

Тяжелые армейские берцы штурмовой группы Бригады по борьбе с сутенерством (*BRP*) загрохотали по мокрой бирюзовой плитке. Оперативники в темных штурмовых комбинезонах, черных кевларовых бронежилетах и глухих балаклавах, закрывавших лица до самых глаз, вломились в коридор единой слаженной лавиной.

Заведение взорвалось первобытной, животной паникой.

Из комнаты отдыха с тонким, срывающимся визгом выскочила Хлоя. Запутавшись в полах великоватого махрового халата, девушка споткнулась, рухнула на колени и забилась в угол возле декоративного фикуса, закрыв голову руками и захлебываясь слезами.

Инес, выскочившая из второго бокса в одном шелковом пеньюаре, попыталась метнуться по темному проходу к пожарному выходу, но путь ей преградил крупный боец группы захвата. Короткий, выверенный захват за плечо — и дерзкая девица с глухим вскриком была опрокинута на мокрый кафель, прижата коленом к полу и зафиксирована.

В дальнем конце коридора Бабетта замерла соляным столбом: ее скрюченные артритом пальцы намертво вцепились в ручку деревянной швабры, а оцинкованное ведро с грохотом покатилось по полу, заливая пороги грязной мыльной жижей.

Селин стояла посреди администраторской, не в силах шевельнуться.

Ментальный шок такой сокрушительной силы отключил все ее чувства. Время замедлило свой ход, превратив происходящее в замедленную, страшную киноленту. Правая рука продолжала мертвой хваткой сжимать кожаную ручку дорожного чемодана, в котором лежали свидетельства о рождении сыновей, фотографии и сбережения. В кармане пальто холодили бедро латунные ключи от мансарды на бульваре Лоншан.

Ей казалось: еще секунда — и этот морок рассеется. Она проснется в «Пежо» Этьена, ощущая на губах вкус корицы и миндаля.

Но морок не рассеивался.

Перегородка из темного матового стекла перед ней разлетелась с оглушительным хрустальным звоном — кто-то из вломившихся бойцов выбил ее плечом, расчищая сектор. Острые, как лезвия, осколки брызнули во все стороны, осыпав ее бежевое пальто и вонзившись в деревянную обшивку стойки.

Сквозь стеклянное крошево прямо к ней шагнул человек.

Инспектор Люк Бланшар не носил балаклавы. Его жесткое, небритое лицо с воспаленными от трех бессонных ночей глазами дышало тяжелым азартом удачной охоты. На его груди покачивался жетон судебной полиции на стальной цепочке.

— *Police Judiciaire!*Руки на стену! — отчеканил Бланшар, настигая ее в два широких шага.

Селин не успела даже вздохнуть. Сильные, безжалостные пальцы инспектора вырвали чемодан из ее онемевшей руки — он с глухим стуком упал на пол, — а саму Селин развернули кругом и с силой прижали грудью к холодной, шершавой штукатурке стены.

Камень больно уперся в правую щеку. Запах сырой извести, пыли и застоявшегося хлора набился в ноздри.

Бланшар заломил ее руки за спину. В этот момент боль в сорванном ногте указательного пальца вспыхнула с такой нечеловеческой, ослепляющей яростью, что перед глазами Селин поплыли багровые круги. Пластырь лопнул, свежая кровь брызнула на пальцы, но оперативник не обратил на это внимания: холодный, тяжелый металл наручников сомкнулся на ее запястьях с сухим, окончательным двойным щелчком.

Стальные браслеты врезались в кожу, стянув руки за спиной.

— Стоять ровно, — глухо бросил Бланшар ей в затылок. — Опергруппа на месте. Заводите понятых!

С этого момента включилась беспощадная, монотонная машина французского уголовного процесса.

В разгромленную, залитую резким светом администраторскую завели двоих перепуганных гражданских лиц — случайных прохожих, перехваченных полицией на перекрестке Сен-Пьер и бульвара Ливон: пожилого аптекаря в промокшем плаще и молодого студента-доставщика, жавшегося к дверному косяку.

— Начинаем процессуальную фиксацию, — объявил Бланшар, доставая из планшета типовой бланк протокола обыска и выемки (*procès-verbal de perquisition et de saisie*).

Селин развернули и заставили сесть на уцелевший край стула. Наручники за спиной жгли запястья, волосы растрепались, по щеке стекала капля пота, смешанная с пылью. Она смотрела прямо перед собой неподвижным, остекленевшим взглядом Манон, за которым зияла абсолютная, выжженная пустота.

Перед понятыми инспектор приступил к методичной описи изымаемых доказательств:

Первым на стол лег плотный шелковый кошелек, извлеченный из ее дорожной сумки. — Фиксируем наличные денежные средства, — Бланшар ловко пересчитал купюры под взглядами понятых. — Общая сумма: три тысячи восемьсот пятьдесят евро. В том числе — пять банкнот номиналом пятьдесят евро, переданные условным покупателем, агентом «Гриф».

Бланшар достал из кармана портативный ультрафиолетовый фонарик и щелкнул кнопкой. В фиолетовом луче бумаги вспыхнули ядовито-зеленым люминесцентным свечением: химический порошок «Свет-4» проявился на гербах купюр ровными полосами.

Затем инспектор поднес луч к правой руке Селин: порошок ярко светился на подушечках ее пальцев и на окровавленном бинте сорванного ногтя. — Следовая фиксация окончена. Контакт с мечеными средствами задокументирован. Номера серий полностью совпадают с актом предварительной пометки BRP от двадцать пятого января.

Следом на столе оказалась черная бухгалтерская книга в сафьяновом переплете — главный вещдок обвинения. — Изъят кассовый гроссбух заведения, — диктовал Бланшар секретарю. — Содержит рукописные записи графиков дежурств, почасовых тарифов, сумм расчетов с клиентами и распределения долей за период в четырнадцать месяцев.

Затем — серая архивная папка из сейфа. — Договоры субаренды, векселя на сумму свыше восьмидесяти тысяч евро на имя Моро Селин Мари, фиктивные соглашения с лизинговой компанией «Azur Thermo Services».

Из номеров оперативники вынесли опечатанные коробки с импортными контрацептивами, флаконы технического дезинфектанта и снятый со стены цифровой видеорегистратор марки *Tantos*, фиксировавший пропускной режим парадной двери.

Каждый предмет методично упаковывался в прозрачные номерные сейф-пакеты (*sacs scellés*) с липкой защитной лентой. Понятые расписывались в графах протокола дрожащими руками.

Статья 225-5 Уголовного кодекса Франции сомкнулась на ней стальными челюстями. Содержание притона. Организация нелегальной проституции. Финансовые махинации. До семи лет тюремного заключения.

Селин слушала монотонный голос инспектора, и перед ее внутренним взором вставали руанские картины: ее сыновья. Четырнадцатилетний Жюльен, который завтра узнает из газет или от органов опеки, чем его мать занималась в Марселе. Маленький Пьер в своих новых ортопедических ботинках, которого за руку уводят чужие чиновники в казенный распределитель. И торжествующая, пьяная физиономия Бернара, празднующего свою победу в пустой мастерской.

Позор был абсолютным, сокрушительным и вечным.

В этот момент Бланшар взял со столешницы последний предмет — личный рабочий смартфон Селин, черный *iPhone*.

Он уже потянулся за пластиковым пакетом, чтобы опечатать аппарат, как вдруг черное стекло дисплея ожило.

Телефон резко, требовательно завибрировал, заскользив по полированному стеклу стола. В тишине кабинета этот зуммер отозвался набатным колоколом.

На экране крупными, яркими буквами высветилось имя абонента:

«ЭТЬЕН».

Инспектор Бланшар замер с пакетом в руке. Он медленно наклонился к телефону, разглядывая светящийся дисплей, и на его небритом, жестком лице расплылась медленная, хищная улыбка сытого волка.

— Ба... — протянул инспектор, усмехнувшись и покосившись на Селин. — Какая трогательная забота. Сам мэтр Лоран беспокоится в два часа ночи? Светоч марсельской адвокатуры не спит, ждет новостей от своей подопечной?

Селин смотрела на мигающее имя сквозь застилающие глаза слезы, и в этот миг ее накрыло последнее, самое страшное осознание.

Ловушка комиссара Мореля сработала с дьявольской точностью.

Этьен. Ее благородный, влюбленный защитник. Мужчина, который мчал сквозь снежный буран спасать ее ребенка, который оставил в кармане сапфировое кольцо и снял квартиру на бульваре Лоншан...

Прямо сейчас, этим звонком, своими собственными руками он окончательно затягивал петлю на своей шее.

Все его слова, все ночные беседы в «Пежо», советы прятать кассу и обещания финансового прикрытия уже лежали на магнитных лентах комплекса *écoutes judiciaires*. Для Мореля и прокуратуры он больше не был адвокатом. Он был ключевым соучастником преступной группы, организатором конспирации. Завтра Совет коллегии отстранит его от защиты, лишит статуса и мантии, растоптав блестящую карьеру и опозорив его имя перед всей Францией.

Она погубила не только себя. Она утянула на дно единственного человека, который попытался подарить ей свет.

Телефон смол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.